На правах рукописи

ОГЛЕЗНЕВА
Елена Александровна

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВОСТОЧНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

(на материале русской речи в Харбине)

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск
2009

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Амурский государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Екатерина Вадимовна Иванцова

доктор филологических наук, профессор
Наталья Борисовна Лебедева

доктор филологических наук, профессор
Зоя Григорьевна Прошина

Ведущая организация: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова (Москва)

Защита состоится 24 июня 2009 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212. 267. 05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан _____ 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор Л. А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено русскому языку восточного зарубежья как одному из вариантов русского национального языка в XX в. и интереснейшему феномену его истории.

Начало XX в. знаменуется появлением большого количества русских диаспор за рубежом, что было связано с изменением общественно-политической обстановки в России после Октябрьской революции 1917 г., когда жизнь довольно значительной части русских граждан на родине оказалась невозможной. Многие приняли решение покинуть Россию, полагая, что делают это лишь на непродолжительное время. Это событие – революция в России – определило различие в условиях существования и развитии русского языка в метрополии и эмиграции, поэтому можно говорить о двух разных его состояниях, которые возникли на различном историческом фоне, повлиявшем на направление и результат языкового развития. Качественное состояние русского языка в зарубежье по сравнению с русским языком в метрополии специфично не только в связи с явлением эмиграции вообще, но и с местом эмиграции в частности. По этой причине оказывается важным, к какой ветви – западной или восточной – принадлежит анализируемое языковое образование.

Русская послереволюционная эмиграция XX в. не оказалась, вопреки представлениям эмигрантов, временным явлением, а существовала на протяжении всего прошлого века и продолжает существовать в поколениях потомков по сей день, поэтому русский язык и языковая компетенция эмигрантов меняются из поколения в поколение, и эта динамика представляет интерес для анализа языковой эволюции вне метрополии в условиях иноязычного окружения.

В XX в. было несколько волн эмиграции из России, кроме послереволюционной волны, и каждая из них имела свои собственные причины и мотивы, что также обусловило качественное состояние русского языка у представителей той или иной волны эмиграции за рубежом. При всей значимости и полновесности экстралингвистических факторов, влияющих на развитие языка в эмиграции, безусловно значим и полновесен и собственно лингвистический фактор, «двигающий» языковую систему изнутри под влиянием внутренних закономерностей развития языка и имеющий универсальный характер. Универсальным можно считать независимый от ветви, волны и других социальных обстоятельств результат развития языка в эмиграции, качественно совпадающий с результатом развития того же языка в метрополии.

Проведенное исследование находится в русле современной лингвистики, характеризующейся антропоцентризмом, функциональностью, коммуникативностью, текстоцентричностью.

В работе русский язык восточного зарубежья рассмотрен как реализация универсальных и вариативных принципов организации языковой структуры. При изучении данного варианта русского национального языка слово и текст выступали ключевыми понятиями, используемыми при анализе его устройства и функционирования.

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования всех форм существования современного русского языка, возникновение которых было предопределено социально и исторически.

В работе развиваются многие теоретические положения современной лингвистики в приложении к конкретному языковому материалу – русскому языку русскоязычной колонии, существовавшей на компактной территории вне метрополии на протяжении более ста лет, и наполняется конкретным новым содержанием общелингвистическое представление о предопределенности языковых фактов социальными факторами.

Исследование речи русских эмигрантов в восточном зарубежье, репрезентирующей такую форму существования русского языка как язык зарубежья, позволило выявить языковую компетенцию ее носителей, реализующих систему русского языка в особых условиях существования – вне метрополии в разноязычном социуме. Несмотря на интерес современной лингвистики к двуязычию, данный аспект коммуникации, в особенности касающийся русско-китайского двуязычия, изучен недостаточно.

Современная лингвистика испытывает большой интерес к зонам межъязыковых взаимодействий и в плане отражения ими культурных контактов народов. Русский язык восточного зарубежья является демонстрацией способов взаимодействия русского и китайского языков, не исследованных ранее.

Введение в научный оборот нового речевого материала расширяет источниковедческую базу для исследования русского национального языка во всем многообразии его форм.

Актуальность работы усиливает также то, что без сведений о языке русского восточного зарубежья и их научной интерпретации не будет полным и целостным представление о языке русской эмиграции, а также о русском восточном зарубежье и о русском зарубежье в целом как историко-культурных явлениях.

Объектом нашего исследования является русский язык в восточном зарубежье в XX в. в его письменной и устной форме.

Предмет исследования – функционирование русского языка в восточном зарубежье на протяжении всей истории его существования, а также его эволюция под влиянием собственно лингвистических и социолингвистических факторов.

Цель настоящего исследования – описать состояние русского языка в восточном зарубежье на протяжении XX в., определить закономерности развития языковой системы вне метрополии и факторы, обусловливающие специфику русского языка восточной ветви русской эмиграции. При этом главное внимание в работе уделено языку русского Харбина, поскольку именно этот китайский город был центром русского восточного зарубежья, именно в нем были сосредоточены духовные силы русских, что и определило его особый русский колорит и многообразие сфер функционирования русского языка там во время массового присутствия русских в Китае.

Достижение этой цели возможно путем решения следующих **задач** как социолингвистического, так и собственно лингвистического плана:

1) охарактеризовать волны и мотивы эмиграции русских на восток, в Китай, в начале XX в., а также тот историко-культурный фон, на котором происходило формирование и существование русскоговорящей колонии в Китае;

2) исследовать языковую ситуацию в многонациональном Харбине начала и середины XX в. с учетом ее типологических составляющих;

3) проанализировать эволюционные и консервативные тенденции в русском языке восточного зарубежья в начале и середине XX в. на примере разных типов дискурса, представленных в периодических изданиях восточного зарубежья;

4) выявить лексическое своеобразие языка периодики восточной ветви русского зарубежья в свете отражения в ней языковой картины мира русского эмигранта в восточном зарубежье;

5) изучить орфографический аспект периодики русского восточного зарубежья и особенности ее перехода на новую орфографию в сравнении с аналогичными явлениями в метрополии и западном зарубежье;

6) проанализировать состояние русского языка в восточном зарубежье в конце XX в. на примере речи последних представителей русской диаспоры в Харбине и выявить консервативные и эволюционные тенденции в ней, а также типическое и специфическое в русском языке восточного зарубежья по сравнению с русским языком в западном зарубежье и русским языком в метрополии в тот же период времени;

7) создать речевые портреты последних представителей русской диаспоры в восточном зарубежье, показательные в плане преломления в них языковой ситуации Харбина, характеризующейся языковой неоднородностью;

8) исследовать орфоэпическую норму русского языка в Харбине, традиционно определяемую как петербургская, и установить правомерность такого утверждения.

Работа выполнена в русле Московской школы функциональной социолингвистики, одним из основных постулатов которой является то, что «условия функционирования языка выступают как фактор, формирующий систему языка» [Земская 2004].

Русский язык зарубежья как особое явление был предметом научного описания отечественных и зарубежных исследователей. Первые работы, в которых можно встретить описание фактов эмигрантской речи, были созданы самими эмигрантами в начале их эмигрантского пути [Карцевский 1923; Тэффи 1926; С. и А. Волконские 1928 и некот. др.]. В этих работах был поставлен вопрос об утрате и сохранении русского языка в эмиграции и на родине.

Русский язык в эмиграции активно изучался зарубежными и отечественными исследователями, начиная с 90-х гг. XX в. Среди доступных зарубежных исследований, посвященных языку русской эмиграции, отметим работы Х. Пфайндля [1994, 1997], Д. Эндрюса [1997]. Х. Пфандль рассматривает проблему отношения русских эмигрантов к своему родному языку, к своей культуре, а также к осваиваемому ими языку и культуре и приходит к выводу, что «субъективное отношение эмигранта к своему и чужому языку имеет решающее значение для его культурно-языкового развития» [1994]. Д. Эндрюс исследовал язык «третьей волны» русских эмигрантов в США. Он разработывает различные подходы к изучению языка русских эмигрантов: лексикологический, фонологический, интонационный, социолингвистический, когнитивный [1994]. Опираясь на работы теоретиков в области изучения языковых контактов У. Вайнрайха и Е. Хаугена, Д. Эндрюс развивает положения теории языковых контактов на конкретном материале – русской эмигрантской речи, функционирующей в условиях англоязычного окружения.

Впервые о языке русского зарубежья как «самостоятельном способе бытования русского языка, как отдельной сфере его существования, наряду с другими, достаточно автономными его ипостасями в метрополии», заявил Ю.Н. Караулов [1991, 1992]. Он же указал на необозримость и сложность темы, объяснив это жанрово-стилевым и функциональным разнообразием русского языка зарубежья, историческим и социально-психологическим своеобразием разных «волн» эмиграции, территориальным варьированием в зависимости от того или иного инонационального окружения. В качестве материала для наблюдения над языком русского зарубежья Ю.Н. Караулов использовал художественную прозу и книжную публицистику XX в.

Исследование русского языка в эмиграции по материалам *письменного* эмигрантского наследия двух поколений первой волны русской эмиграции на Запад было осуществлено Л.М. Грановской [1995]. Язык русской эмиграции Л.М. Грановская рассматривает как особую подсистему русского литературного языка XX века на основании обладания им рядом важных отличительных признаков: семантических, стилистических, фразеологических, композиционно-тематических. Л.М. Грановская отметила основные тенденции в языке русской эмиграции на Запад: с одной стороны, это тенденция к консервации, которая особенно очевидна при сравнении эмигрантского языка с языком метрополии в один и тот же отрезок времени; с другой, – это тенденция к изменению родного языка под влиянием иной языковой среды.

Грамматический подход характеризует исследования М.Я. Гловинской [2001], которая на материале письменных источников первого поколения эмигрантов разных волн выявляет общее и различное в языке метрополии и западной эмиграции и обнаруживает «слабые» и устойчивые участки системы русского языка, что позволяет сделать теоретические выводы, касающиеся общих тенденций языкового развития.

В ряде статей А.В. Зеленина анализируются лексические, словообразовательные, графико-орфографические особенности русской эмигрантской прессы в западном зарубежье (1919-1939 гг.) в сравнении с аналогичными процессами в русском языке того же периода [2007, 2008].

Устная русская речь эмигрантов на Запад получила освещение в работах Е.А. Земской [1995, 1998, 2000, 2001, 2002, 2008], Н.И. Голубевой-Монаткиной [1993, 1994, 1995, 2001, 2004], Е.В. Красильниковой [2001], Е.Ю. Протасовой [1996, 2004, 2006], А.В. Павловой [1999], М.А. Осиповой [2002, 2003] и некот. др. Широтой и разноаспектностью характеризуются исследования устной русской речи в западной эмиграции, выполненные Е.А. Земской, которая изучала речь русских эмигрантов разных волн и поколений в обусловленности историческими, социальными, культурными, индивидуальными факторами, от которых зависит ее сохранность. Автором создана серия речевых портретов русских эмигрантов на Запад, показывающих фонетические, грамматические, словообразовательные, лексические особенности их речи. Они позволяют более наглядно представить, какие именно условия жизни и индивидуальные особенности влияют на речь и речевое поведение человека. Лексические и грамматические особенности разговорной русской речи эмигрантов на Запад были проанализированы в ряде работ Н.И. Голубевой-Монаткиной [1993, 1994, 1995, 2001], ею же подготовлены к опубликованию с лингвистическим комментарием записи русской эмигрантской речи [2004].

В фокусе внимания исследователей также находилась не литературная форма русского национального языка, а диалектная по своей природе речь представителей конфессиональных сообществ – старообрядцев, молокан, оказавшихся в эмиграции [Касаткин, Касаткина 2000; Никитина 2001]. Главным фактором сохранения этой речи является необходимость сохранения в эмиграции религиозного сообщества.

Язык русского *восточного* зарубежья до настоящего времени остается «белым пятном» в лингвистических исследованиях, хотя имеются отдельные публикации на эту тему (см. работы автора, а также работы Л.М. Шипановской – о языке художественных произведений русского восточного зарубежья, Г.М. Старыгиной – о речи последних русских харбинцев, Н. В. Райан – о сохранении и утрате языка на примере русской диаспоры в Китае, а затем в Австралии, А.Н. Анцыповой – о русской письменной речи эмигрантов из Китая в Австралию).

В своей работе мы опираемся на исследования русского языка в зарубежье, осуществленные Е.А. Земской, М.Я. Гловинской, Л.М. Грановской, Е.В. Красильниковой на материале устной и письменной речи представителей западной ветви русской эмиграции; учитываются концепции, представленные в работах Ю.Н. Караулова, Н.И. Голубевой-Монаткиной, С.Е. Никитиной. В сопоставительном плане большой интерес представили работы Т.М. Григорьевой, А.В. Зеленина, Е.Ю. Протасовой, М.А. Осиповой.

Изучение русского языка в восточном зарубежье как самостоятельной формы существования языка потребовало обращения к разным разделам языкознания и системам их понятий для проведения многоаспектного описания изучаемого объекта: *социолингвистике* (работы Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева, В. В. Виноградова, В.М. Жирмунского, В.А. Аврорина, А.Д. Швейцера, В.Д. Бондалетова, В.А. Виноградова, М.В. Панова, Л.П. Крысина, В.И. Беликова, З.Г. Прошиной, Н.Б. Мечковской), *креолистике и контактологии* (работы У. Вайнрайха, В.И. Беликова, М.В. Дьячкова, Д. Штерна, З.Г. Прошиной), *сравнительной типологии* (работы В.М. Солнцева, Н.А. Спешнева, В.А. Курдюмова), *лингвоперсонологии* (работы М.В. Панова, Е.А. Земской, Ю.Н. Караулова, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Е.В. Иванцовой, Е.А. Нефедовой), *лингвистике дискурса* (работы Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, Ю.С. Степанова, В.И. Красика, И.В. Силантьева, З.И. Резановой), *языковой семантике* (работы А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, З.И. Резановой).

Исследование русского языка в восточном зарубежье потребовало изучения работ по *истории русской эмиграции*, а особенно по *истории восточной ветви русской эмиграции*. Большое значение для формирования исторической концепции русского восточного зару-

бежья имели труды Н.Е. Абловой, Н.Н. Аблажей, Н.А. Василенко, Диао Шаохуа, Н.П. Крадина, В. Ф. Печерица, Е.П. Таскиной, А.А. Хисамутдинова и др., а также многочисленные мемуарные источники.

Источниками для изучения языка русского восточного зарубежья стали как устные, так и письменные материалы, фиксирующие факт существования данного языкового варианта. *Устные* источники представлены записями речи последних представителей русской диаспоры в Харбине, выполненными автором диссертационного исследования в 2000 – 2002, 2006, 2008 гг., общей продолжительностью более 45 часов звучания и объемом более 800 страниц расшифрованного и распечатанного текста. Среди *письменны*х источников – периодические и справочные издания русской восточной эмиграции начала и середины XX в., выходившие главным образом в Харбине («Новости жизни», «Рубеж», «Луч Азии», «Русское слово», «Русский голос», «Вестник Маньчжурии», «Маньчжурия», «Свет», «Сибирская жизнь», «Хлеб небесный»; «Весь Харбин на 1923 г.», «Коммерческий указатель Великого Харбина 1933 г.» и др.), художественные и мемуарные произведения русских эмигрантов в Китае (А. Несмелова, В. Логинова, Б. Дальнего, Л. Хаиндровой, Л. Дземешкевич, И.И. и А.Н. Серебренниковых, О. Лайиль-Ильиной, Н.И. Ильиной и др., письма и рукописные воспоминания бывших русских харбинцев Т.И. Золотаревой (Сидней, Австралия), В.С. Стаценко (Сидней, Австралия), Т.В. Жилевич (Мельбурн, Австралия), Т.Н. Малеевской (Брисбен, Австралия), Т.Н. Федоровой (Харбин, Китай), Н. Бродяного (Филадельфия, США) и некот. др. Столь широкий круг привлеченных источников продемонстрировал цельность, недискретность харбинского речевого континуума.

Научная н**овизна** результатов проведенного исследования обусловлена выбором объекта исследования, материалами, на базе которых осуществлено исследование, и его основными научными результатами:

1) впервые русский язык зарубежья на примере русского языка его восточной ветви рассмотрен как особая форма существования современного русского языка наряду с территориальными и социальными диалектами, просторечием, жаргоном и литературным языком;

2) русский язык в восточном зарубежье получил целостное лингвистическое и социолингвистическое описание на материале письменных и устных источников восточной эмиграции XX в.;

3) исследованы общие и частные функции русского языка в восточном зарубежье, их значимость для сохранения языка родины;

4) выявлено историко-культурное наполнение публицистического дискурса, нашедшего реализацию в различных жанрах периодики русского восточного зарубежья первой половины и середины XX в. и передающего исторический и духовный опыт русских в восточном зарубежье;

5) выявлены типы языкового существования в условиях многонационального и многоязычного социума, демонстрирующие различный уровень языковой компетенции у представителей русской восточной эмиграции;

6) показаны типы билингвальных личностей, существование которых предопределено сложившейся в Харбине языковой ситуацией;

7) созданы речевые портреты последних представителей русской восточной эмиграции (конец XX в.), показывающие индивидуальные и типические особенности их речи в обусловленности социальными и собственно лингвистическими факторами, а также ее историко-культурное наполнение;

8) представлен опыт лексико-семантического описания «собственно харбинской» лексики, функционировавшей в языке русского восточного зарубежья на протяжении всего периода его существования в аспекте отражения этой лексикой фрагмента языковой картины мира (в том числе ценностной) в речи русских эмигрантов в восточном зарубежье;

9) исследована орфографическая норма русского языка в восточном зарубежье и показана идеологическая подоплека применения новых правил правописания в периодических изданиях восточной ветви эмиграции, а также изучены вариативные участки русской орфографии в восточном зарубежье в сопоставлении с аналогичными участками в метрополии и западном зарубежье;

10) исследованы особенности орфоэпической нормы, бытовавшей в Харбине в XX в., и ее динамика;

11) выявлены факторы более высокой степени сохранности русского языка в нескольких поколениях эмигрантов в восточном зарубежье по сравнению с западным зарубежьем;

12) описана языковая ситуация с участием русского языка в Харбине в XX в. с точки зрения ее типологических составляющих;

13) проанализированы различные формы языкового контакта в восточном зарубежье, такие как русско-китайский пиджин и интерферированная русская речь потомков от смешанных браков русских и китайцев с точки зрения их языковых свойств и особенностей функционирования.

Методы исследования. Цель исследования достигается при помощи различных методов, направленных на решение конкретных задач. Основные методы анализа, нашедшие применение в работе, следующие:

1) метод полевого исследования в сочетании с методом включенного наблюдения;

2) метод научного описания, в рамках которого применялись общенаучные приемы непосредственного наблюдения, систематизации, интерпретации, сравнения, доказательства, обобщения, количественных подсчетов;

3) метод социолингвистического анализа, предполагающий выявление корреляционных отношений между языковым явлением и социальными параметрами;

4) метод дискурсивного анализа, позволяющий рассматривать речь как способ интерпретации мира и как явление, обусловленное и языковыми, и внеязыковыми факторами, а также для реконструкции картины мира русского эмигранта и истории восточной эмиграции на основе фактов языка и речи;

5) метод речевого портретирования для выявления типических и специфических особенностей речи последних представителей русской диаспоры в Харбине;

6) сравнительно-типологический метод при анализе явления интерференции в русской речи под влиянием китайского языка, а также при анализе контактного языка, функционировавшего в восточном зарубежье – русско-китайского пиджина.

Теоретическая значимость работы. Выполненное исследование имеет значение *для теории эволюции языка*: в нем анализируется изменение языка вне метрополии (и по ряду параметров ускоренное изменение) в обусловленности экстралингвистическими и собственно лингвистическими факторами.

Полученные данные являются вкладом в теорию *социолингвистики,* поскольку характеризуют социальную дифференциацию русского языка и, в частности, его социальное варьирование в замкнутом, изолированном от метрополии коллективе носителей языка, а также неординарную языковую ситуацию в русском восточном зарубежье, представляющую собой случай взаимодействия языков разной демографической и коммуникативной мощности, функционально неравнозначных и структурно-генетически различных.

Для общей *теории функционализма* получены сведения об условиях актуализации этнической функции языка, не входящей в число основных языковых функций.

Выявление кодов, с помощью которых происходило общение в неоднородной языковой среде в Харбине – центре русского восточного зарубежья значимо для *теории речевой коммуникации.* Обнаруженные особенности взаимодействия языковых систем двух типологически различных языков – русского и китайского – являются вкладом в *теорию интерференции.*

Проведенное исследование вносит свою лепту в *лингвистическую персонологию* созданием серии речевых портретов, в том числе билингвальных личностей, порожденных особой языковой ситуацией Харбина в XX в. Созданная галерея речевых портретов демонст-

рирует возможные типы языкового существования в разноязычном социуме вне метрополии, предопределенные психологически и социально. В работе показана зависимость типов языкового существования личности от условий социальной и языковой среды. Исследование доказывает корреляцию языкового явления и социального фактора, его обусловливающего.

Описание реализованных в восточном зарубежье вариантов развития орфоэпической и орфографической нормы в обусловленности собственно языковыми и внеязыковыми факторами пополняет фактическую базу *теории и истории русского литературного языка.*

Полученные и научно интерпретированные в диссертационном исследовании материалы имеют особое *лингвокультурное* и *общегуманитарное* значение. Корпус устных и письменных текстов русского восточного зарубежья, проанализированный в работе, является бесценным источником для изучения русской истории, русского самосознания, русской культуры, запечатленных в слове.

Практическая значимость и рекомендации по использованию работы. Результаты проведенного исследования найдут применение *в практике преподавания* лингвистических и многих смежных с лингвистикой дисциплин: истории, этнопсихологии, религиоведения, этнографии, этнологии, социологии и др., связанных с изучением национального характера, национального самосознания и межэтнического взаимодействия.

Разработанные в диссертации положения могут являться составляющими частями лингвистических курсов «Общее языкознание», «Социолингвистика», «История русского литературного языка», «Лингвокультурология», а также спецкурсов и спецсеминаров по проблемам социально обусловленного существования языка и его эволюции, креолистики и контактологии и некот. др.

Предпринятые методики анализа русского языка, существовавшего в условиях русско-китайского языкового контакта в Харбине и других центрах русского восточного зарубежья, могут быть использованы и при рассмотрении русского языка, функционировавшего в XX в. в иных социокультурных обстоятельствах и имевшего свою историческую и языковую перспективу: речь идет о языке русских, оказавшихся на периферии Китая – на приграничных с Россией территориях, а также о региональных формах языка – регионолектах.

Прикладное значение результаты работы имеют также *при обучении русскому языку иностранцев*, в частности, китайцев, для предупреждения ошибок в их русской речи. В ходе исследования нами были определены «участки» сильной интерференции на разных уровнях языковой системы в русской речи билингвов – потомков от смешанных браков

русских с китайцами. Именно эти «участки» требуют особого внимания при обучении китайцев русскому языку.

Данные, полученные в ходе исследования, имеют значение для *лексикографии*, поскольку способствуют созданию полного представления о семантическом наполнении той или иной лексической единицы русского языка, выявленном при анализе ее функционирования в одном из вариантов русского национального языка – в языке русского восточного зарубежья, и отражению новой информации в дефинициях полных толковых словарей русского национального языка. Кроме того, свод специфичных в употреблении лексических единиц, характерных для речи представителей восточной эмиграции и условно обозначенных нами как «собственно харбинская лексика», может стать предметом самостоятельного лексикографического описания, имеющего не только собственно лингвистическое, но и историко-культурное значение.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Язык русского зарубежья является одной из форм существования современного русского национального языка.
2. Языковая ситуация в первой половине XX в. в центре русской восточной эмиграции – Харбине – характеризовалась коммуникативным преобладанием русского языка, не являющегося государственным и титульным, на территории с демографическим преобладанием китайского языка – государственного и титульного.
3. В условиях существования в зарубежной диаспоре, вне метрополии, одна из частных функций языка – этническая – может входить в число основных, наряду с коммуникативной, когнитивной и эмоционально-экспрессивной функциями, и способствовать сохранению этноса со всеми свойственными ему атрибутами: языком, духовной и материальной культурой, религией.
4. Высокая степень сохранности русского языка в восточном зарубежье является следствием наличия среды родного языка, подобной естественной, в которую оказались включены носители разных форм русского языка – и носители литературной разновидности, и носители просторечия, и диалектоносители.
5. В русском языке восточного зарубежья происходило естественное развитие его системы, автономное от развития русского языка метрополии. Векторы развития были разнонаправленными на лексическом уровне системы, наиболее подвижном, подверженном идеологизации и служащем для номинации реалий и оценок текущего момента, и однонаправлеными на фонетическом и грамматическом уровнях, отвлеченных от субъективных факторов и движимых в своем развитии изнутри системы (напр., стремление к аналитизму), наблюдаемое как в языке метрополии, так и в языке зарубежья).

6. Неординарная языковая ситуация Харбина и высокий статус русского языка там предопределили возникновение особых типов билингвальных языковых личностей.
7. Естественное для существования языка вне метрополии нарушение норм в русском языке восточного зарубежья (в речи харбинцев) происходило на одно-два поколения позже, чем в русском языке западного зарубежья, и уже после реэмиграции из Китая (в речи русских австралийцев и американцев – бывших харбинцев). Китайский язык как типологически иной по своим структурным и генетическим свойствам не разрушал систему русского языка в речи харбинцев, поддерживаемую широкой сферой использования русского языка в Харбине и наличием там речевого эталона.

Апробация работы. Результаты исследования были апробированы на конференциях различного уровня и семинарах: на международных научных конференциях «Восточная Азия – Санкт-Петербург – Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества» (СПб, СПбГУ, 2000); «Исторический опыт освоения Дальнего Востока» (Благовещенск, АмГУ, 2001); «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» (Благовещенск, АмГУ, 2001, 2002, 2003); «Язык и культура» (Москва, 2001, 2003); «Толерантность, сотрудничество и безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Владивосток, ДВГУ, 2002), «Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование» (Москва – Звенигород, Институт русского языка им. В.В.Виноградова, 2003); «Актуальные проблемы русистики (Томск, ТГУ, 2003); на областном научно-методическом семинаре «Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы» (Благовещенск, АмГУ, 2003); на лингвистическом семинаре кафедры русской филологии Амурского государственного университета (2004, 2005); на I, II, III и IV Кирилло-Мефодиевских чтениях (Благовещенск, АмГУ, 2006, 2007, 2008, 2009), на региональной научно-практической конференции «Амурская область: история и современность», посвященной 150-летию подписания Айгунского договора и возвращения Приамурья в состав России (Благовещенск, Амурский областной краеведческий музей, 2008); на IV региональном научно-исследовательском семинаре, посвященном памяти Л.В. Бондарко «Актуальные проблемы фонетики» кафедры иностранных языков № 1 АмГУ (2008).

Основные положения диссертации отражены в 40 публикациях автора, в том числе 7 статей опубликовано в Ведущих журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией, 1 статья – в зарубежном издании. Автором написаны 2 монографии.

Материалы исследования применялись в разработанном автором диссертации и прочитанном для студентов филологического факультета Амурского госуниверситета спецкурсе

«Язык русского зарубежья» (2006) и в работе со студентами на спецсеминарах «Русский язык зарубежья: восточная ветвь» (2002-2005), «Русский речевой портрет» (2005-2007).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из Введения, 3 глав, Заключения, Списка использованной литературы и 7 приложений. Иллюстративный материал включает 12 таблиц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, раскрывается его актуальность и научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, определяются предмет и объект исследования, его цель и задачи.

Логика исследования построена по принципу «от общего к частному»: от научного описания историко-культурного фона, на котором существовал русский язык в восточном зарубежье, и теснейшим образом связанных с ним социолингвистических характеристик рассматриваемого варианта русского национального языка, – к анализу речевого континуума русского восточного зарубежья в хронологической последовательности: в начале и середине XX в. (по материалам письменных источников – периодической печати, городской справочной литературы, художественных произведений литераторов Харбина) и в конце XX в. (по материалам записей устной речи последних представителей русской диаспоры в Харбине, а также их писем и рукописных воспоминаний).

В первой главе **«Русский язык в восточном зарубежье: социолингвистический аспект»** язык зарубежья рассмотрен как **одна из форм существования языка,** чему дано теоретическое обоснование (п. 1. 1).

Один из основоположников отечественной социолингвистики Е.Д. Поливанов среди ее проблем в числе первых называл определение языка как социально-исторического факта, описание языков и диалектов с социологической точки зрения и изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями [Поливанов 1968]. Языковое воплощение конкретные социально-исторические факты получают в различных формах существования языка. Понятие «формы существования языка» принадлежит к числу центральных понятий социолингвистики, которое отражает социальную дифференциацию языка, находящуюся в фокусе данного раздела языкознания [Жирмунский 1968; 1969; Швейцер 1976; Крысин 2003].

Существуют мнения о том, что современный русский язык репрезентируется б**о**льшим количеством форм, чем обычно принято выделять, в частности, язык русской эмиграции может рассматриваться как отдельная языковая форма [Караулов 1991]. Достаточным ос-

нованием для отнесения языка русского зарубежья к числу форм существования национального языка является ряд его признаков: 1) язык русской эмиграции имеет свой собственный *состав носителей*: это эмигранты из России и их потомки, в разной степени владеющие русским языком; 2) русский язык в зарубежье имеет *закрепленность за определенными условиями коммуникации:* в нашем случае это (а) ситуативная закрепленность, когда родной русский язык используется в ситуациях естественного, неофициального *устного* общения в домашнем кругу или с членами русской диаспоры, (б) публичное общение через *печатное* слово в эмигрантской периодике, а также в художественной и мемуарной литературе; 3) русский язык в зарубежье характеризуется *набором функций*, включающим как общие, так и частные, в том числе связанные с необходимостью этнического самосохранения и потому обладающие особой актуальностью в условиях эмиграции; 4) русский язык зарубежья функционирует в *территориальном отрыве* или территориальном отделении от метрополии. Этот отрыв может усугублялся изоляцией от метрополии, невозможностью поддерживать связь с родиной и идеологическим барьером, что выступает мощным консервативным фактором для языка в эмиграции. Территориальный отрыв русских эмигрантов от метрополии означал и необходимость контактирования с другими языками, неизбежно влияющими на русский язык в эмиграции; 5) язык русской эмиграции обладает своей *языковой спецификой*, обусловленной собственно лингвистическими и социолингвистическими факторами. Примеры анализа эмигрантской речи, обнаруживающие ее специфичность на разных уровнях системы: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом, присутствуют в научной литературе последнего десятилетия [см.: Земская 2001; Гловинская 2001; Голубева-Монаткина 2001 и др.].

Язык зарубежья как форма существования русского языка *сложилась исторически*. Ее возникновение в XX в. обусловлено важными историческими событиями.

Следует различать **две ветви эмиграции из России в XX в. – западную и восточную**, каждая из которых имела волнообразный характер (п. 1. 2). Восточный вектор эмиграции был направлен в страны Тихоокеанского региона, прежде всего в Китай, где форпостами эмиграции являлись Харбин, Шанхай, Тяньцзинь. Эмиграция на Восток была довольно многочисленной: так, в 20-е гг. численность русских в Китае достигала, по данным разных источников, от 200 до 400 тыс. человек. *Восточная эмиграция* русских находилась в общем историко-культурном контексте российской эмиграции, однако обладала рядом специфических черт, определяющих ее своеобразие.

Волны восточной эмиграции не имели абсолютного тождества с волнами западной эмиграции. *Первая* крупная переселенческая *волна* на Восток – это отъезд русских в Китай на строительство КВЖД (1898 г.-1917 гг.) и образование в связи с этим русской коло-

нии, неоднородной по своему социальному составу (инженеры-строители и члены их семей, обслуживающий дорогу и ее инфраструктуру персонал, казаки, отставные нижние чины, а также свободные переселенцы из России: представители торгово-промышленного класса, мелкие ремесленники и пр.). К 1917 г. в Китае русскоязычная колония насчитывала более 50 тыс. чел. (соответственно, в Харбине – более 40 тыс.). Октябрьская революция привела к тому, что они стали вынужденными эмигрантами.

Вторая волна восточной эмиграции связана непосредственно с изменением политической власти в России, и ее, как и первую волну эмиграции на запад, можно назвать послереволюционной (с конца 1917 г. по 1924 г.). Послереволюционная волна эмиграции на восток имела отличия от западной. Во-первых, среди беженцев на восток были не только представители привилегированных слоев российского общества, интеллигенты, а также в большом количестве – солдаты белой армии, рабочие, крестьяне и казаки (68, 7% от общего числа). Беженцы этой волны в период с 1918 по1923 гг. значительно увеличили численность русскоязычной колонии в Китае (от 200-250 до 400-500 тыс. чел.). Во-вторых, принципиальное отличие послереволюционной волны эмиграции на запад и на восток состояло в том, что в западном варианте русские эмигранты оказывались на чужбине в полном смысле слова, а в восточном – русские беженцы попадали на чужую, но обустроенную соотечественниками территорию, как в российскую провинцию, которой не коснулись бури революции, и находили там русский город с привычным патриархальным укладом, что обусловливало иное положение и мироощущение русской восточной эмиграции.

Третья волна восточной эмиграции относится к середине 20-х–30-е гг.: на китайскую территорию из приграничных районов переходили отдельные советские граждане и семьи, недовольные проводимой коллективизацией. По этой же причине в 20-30-е гг. XX в. в Маньчжурию эмигрировала и значительная группа старообрядцев из Приамурья и Приморья, часть которых впоследствии поселилась в Харбине, а другая часть образовала недалеко от него несколько старообрядческих сел. Необходимо особо отметить район так называемого Трехречья, куда с начала 20-х гг. отмечается большой приток русских и где к середине 20-х гг. было уже 19, а по другим данным – более 20 русских поселений. Беженцами в Трехречье в основном были забайкальские казаки, покинувшие свои родные станицы. В 1930 г. русская колония в Китае насчитывала около 180 тыс. эмигрантов и советских граждан. К середине XX в. (к 1945 г.) пополнение русскоязычной колонии в Китае прекратилось, ее общая численность составляла от 72 до 81 тыс. человек.

Восточной русской эмиграции исторически были предопределены два пути: репатриация и реэмиграция. Осуществлялось движение русских эмигрантских потоков и внутри Китая до окончательного исхода из страны. Количественный состав русских в Китае в

первой половине и середине XX в., их перемещения внутри страны являлись факторами, определяющими качество языковой ситуации, связанной с русским присутствием в этом регионе.

Центром русского восточного зарубежья был город Харбин (п. 1. 3). Именно его можно рассматривать как средоточие и выражение сути русской жизни в восточной эмиграции. Русские не только построили город в Китае, но и создали уникальную культурную среду — по образу и подобию той, что была на родине.

Харбин был многонациональным городом, но общий тон здесь задавала русская культура: русская архитектура, русская микротопонимика, русское кино и театры, русские газеты и журналы, русские учебные заведения, русские магазины и т.д. По своему облику и жизнеустройству Харбин напоминал дореволюционный провинциальный русский город, о чем сохранились многочисленные свидетельства современников.

Харбин был городом, в котором значительная часть населения говорила по-русски. *Положение русского языка в Харбине* на протяжении XX в**.** менялось. Это было напрямую связано с численностью русскоязычного населения и его положением. Можно выделить два качественно различающихся периода: первый – с начала XX в. – с момента возникновения русского Харбина – до 50-х гг., а именно до массовой репатриации и реэмиграции из Харбина; второй период – с 50-х гг. и до конца XX в. – фактически до конца русской восточной эмиграции, когда не стало последних представителей русской диаспоры в Харбине.

<u>В первой половине XX в.</u> русский язык в Харбине выполнял многообразные *социальные функции,* являясь средством официального и неофициального общения русских харбинцев. Как отмечал А.Д. Швейцер, «объем функций определяется использованием данной социально-коммуникативной системы в различных сферах человеческой деятельности» [Швейцер 1976]**.** Количеством сфер общения, в которых может использоваться язык, устанавливается его социальная роль в условиях двуязычия [Мечковская 2001]. Укажем на основные *сферы использования* русского языка в Харбине, которые в условиях существования в многонациональном Харбине и многочисленны, и многообразны:

1. Русский язык – это язык хозяйственно-производственных отношений, развитых в Харбине первой половины XX в. и передовых в сравнении с производственными отношениями, сложившимися в то время в Китае.

2. Русский язык – это язык обширной русской периодики, издававшейся в Харбине, начиная с 1899 г. Среди харбинских периодических изданий на русском языке были газеты и журналы разной направленности: общественно-политические, беспартийные, литературно-художественные, религиозные, научные, детские, женские и др.

3. Русский язык – язык книжного дела в Харбине: на русском языке в русских типографиях Харбина издавались учебники, детские книги, художественная и научная литература.

4. Русский язык – это язык устного делового общения и деловой переписки в русском Харбине со строгим следованием установленным формам документов.

5. Русский язык – язык сферы услуг: на нем осуществлялась торговля в магазинах русских предпринимателей, оказывались бытовые, транспортные, медицинские, юридические услуги. На русском языке до массового исхода русских из Харбина совершались почтовые отправления.

6. Русский язык – это язык документации о статусе частного лица – гражданина России: свидетельства о рождении, браке, послужные списки составлялись по правилам дореволюционного русского документоведения:

7. Русский язык – это язык образования в Харбине: на русском языке велось обучение в русских начальных, средних и высших учебных заведениях, коммерческих училищах, гимназиях, железнодорожных училищах и школах. Русские эмигрантские и советские школы посещали не только русские, но и китайцы, которых в русском образовании привлекала перспектива получить высшее образование в Харбине.

8. Культурная жизнь русского Харбина – литературная, театральная, музыкальная – была чрезвычайно насыщенной для некрупного провинциального города. Приток творческой интеллигенции, особенно в период послереволюционной эмиграции из России в Китай, способствовал развитию русской культурной жизни Харбина.

9. Русская культура и русское слово становились доступными для русских эмигрантов через библиотечные фонды многочисленных русских библиотек Харбина.

10. Русская речь звучала и в радиоэфире Харбина: с 1909 г. работала Харбинская радиостанция, построенная российским военным ведомством, в программе которой были новости и литературно-музыкальные передачи на русском языке.

11. Харбин – город с русским топонимическим пространством на протяжении всего времени пребывания там русской колонии: так, названия 285 харбинских улиц в1923 г. были типично русскими, образованными по продуктивным топонимическим моделям русского языка. Многие названия станций Китайско-Восточной железной дороги (60 из 184) также были русскими. Русские названия улиц, магазинов, кинотеатров, гостиниц Харбина также выступали элементом его пространственной организации.

12. Русский язык – это язык религиозного культа в православном Харбине, язык конфессиональный. Православная вера для русских харбинцев при отсутствии государствен-

ности в послереволюционное время выступала организующим началом эмигрантской жизни и нравственным ориентиром в эмиграции. В Харбине действовало 22 православных храма, соблюдался церковный календарь. Богослужение в храмах проходило на церковнославянском языке, но ряд жанров религиозного дискурса (проповедь, исповедь) и неофициальное церковное общение осуществлялись на русском языке. Также на русском языке выходила в Харбине церковная литература, периодические православные издания. Кроме того, осуществлялся на русском языке.

13. Главной сферой использования русского языка в Харбине была бытовая сфера – сфера семейного и другого неофициального общения с представителями своей этнической общности.

Таким образом, в центре русской восточной эмиграции – Харбине – в первой половине и середине XX в. устройство жизни и быта соответствовало русским традиционным и православным канонам, а русский язык использовался во всех сферах коммуникации. несмотря на существование в чужой стране и при численном преобладании населения этой страны.

Свой язык и культуру поддерживали и другие национальные группы многонационального Харбина (украинцы, поляки, грузины, евреи…), но доминирующей культурой по совокупности и масштабу фактов следует считать русскую.

Во второй половине XX в., до массовой реэмиграции и репатриации большей части русскоязычного населения из Харбина и из Китая, статус русского языка оставался высоким, а сферы его использования многообразны.

В 1952 г. после подписания коммюнике о безвозмездной передаче Китайско-Восточной железной дороги правительству Китайской народной республики железная дорога, являвшаяся первопричиной русского массового присутствия в Китае в первой половине XX в., перестала иметь к проживающим в Китае русским какое-либо отношение. Последовавший за этими событиями массовый исход русских из Китая в 50-е и начале 60-х гг. означал по сути конец русской восточной эмиграции. Таким образом, тенденция к угасанию социальной значимости русского языка в Харбине во второй половине XX в. напрямую связана с факторами экстралингвистического плана: отток русского населения привел к прекращению широкой общественной и культурной жизни русской эмиграции в Харбине и, следовательно, сократил сферы употребления русского языка. Русский язык в Харбине с конца 60-х гг. XX в. обслуживал лишь бытовое и церковное общение оставшейся там горстки русскоговорящих стариков.

Особенной чертой Харбина в первой половине XX века была его ярко выраженная **многонациональность** (п. 1. 4). Так, архивные данные от 28 июля 1910 г. свидетельствуют о том, что европейское население в Харбине в то время составляло 32 320 жителя, из них 31 269 человек были русскоподданными (это русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, евреи и др.), евреи – 452 чел., германскоподданные (в том числе, немцы) – 166 чел., греки – 92 чел., англичане – 83 чел., французы – 60 чел., поляки – 53 чел., турки – 40 чел., чехи – 33 чел., австрийцы – 21 чел., меньше 20 чел. составляли итальянцы, грузины, испанцы, болгары, американцы, шведы и швейцарцы [Василенко 1998]. Таким образом, в Харбине сложился своеобразный многонациональный конгломерат. Существовавшие в Харбине этнические сообщества сохраняли традиции своего народа, религиозную память и свой язык. *Средством общения внутри этнических групп* в Харбине оставался родной язык, который, являясь существенным признаком этноса, позволял этнической группе самоидентифицироваться. В Харбине можно было не знать языка страны проживания – китайского, пользуясь только своим родным языком. В этом состоит одно из основных отличий восточной русской эмиграции от западной, в которой для полноценного существования было необходимо знание языка принявшей эмигрантов страны: «На улицах Парижа русские говорили на чужом языке, на улицах Харбина – на своем» [Бобин 1994].

В фокусе нашего внимания находились языки двух самых больших по количественной представленности в Харбине и по всей линии КВЖД этнических групп – китайцев и русских. *Китайский язык* – официальный язык Китая и язык значительной части местного населения. Китайская этническая общность в рассматриваемых условиях доминировала в силу своего количественного превосходства и исторически сложившейся государственной закрепленности на данной территории. Однако китайский язык будучи языком доминирующего этноса не оказывал значительного влияния на другие, сосуществующие с ним по воле исторического случая языки, и не подавлял их. Китайский язык использовался китайцами в различных ситуациях официального и неофициального общения.

Подход к языковому вопросу у администрации КВЖД, являвшейся общей производственной сферой для русского и китайского населения, следует считать политически грамотным: организовывались языковые курсы по обучению русских китайскому языку, а китайцев – русскому, выпускалась учебная литература и словари по русскому и китайскому языкам. При этом образовательная доминанта принадлежала русскому языку: китайцы в большей степени стремились к овладению русским языком. Это выражалось в их желании получить образование на русском языке и имело массовый и интенсивный характер. Данное явление объясняется культурным фактором: «язык одолевает своих соперни-

ков не в силу каких-то своих внутренних свойств, а потому, что носители его являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми» [Мартине 1999].

Языковая политика как сознательное воздействие общества на язык представляет особую сложность в многонациональных государствах. Укажем на *статус* русского и китайского языков в Харбине как языков больших этнических групп, одна из которых характеризуется пребыванием на своей исконной территорий, другая же – «пришлая». *Титульным* языком на всей территории Китая являлся и является китайский язык. Этот же язык *государственный и официальный* в этой стране. Русский же – *не титульный и не государственный*, но являлся *официальным* в Китае (а именно в Харбине), пока там существовал ряд общественных институтов на русском языке.

Языковую политику китайского государства в отношении русских и других народов, проживавших в первой половине и середине XX в. в Китае, можно определить как *лояльную***.** В частности, не существовало запрета на русский язык, не было требования говорить на языке страны проживания, наоборот, осуществлялся поиск языкового компромисса (официально – через мероприятия языковой политики; неофициально – через возникший как необходимость контактный язык – русско-китайский пиджин) для наилучшего совместного сосуществования.

Во время китайской «культурной революции» (1966-1976 гг.), наоборот, оставшимся в Харбине русским было желательно забыть и свой русский язык, и то, что они русские: политика нетерпимости к чужой культуре и чужому языку исходила от государства. Профиль языковой политики резко изменился: она приобрела типические для закрытого тоталитарного общества черты. Такой тип языковой политики, по классификации Т. Скутнабб-Кангаса и Р. Филипсона, называется «политикой, ориентированной на ассимиляцию языка». Такая ассимиляция произошла в Харбине с потомками от смешанных браков русских и китайцев, чье детство пришлось на 60-е–70-е гг.: они почти не говорят по-русски. В то же время русские харбинцы более старшего поколения сохранили свой язык в устной и письменной форме, несмотря на отсутствие условий для его сохранения в условиях тоталитарного, направленного на устранение этнического разнообразия общества, каким был Китай в годы «культурной революции».

У языковой политики есть и другая сторона: она может носить общественный характер. В таком ракурсе русская общественная жизнь в Харбине и во всем Китае, осуществляемая на русском языке во время массового русского присутствия там, являлась проводником не закрепленной законодательно языковой политики, направленной на сохранение этничности своего национального коллектива. Проводились и мероприятия, направленные на сознательное сохранение русской речи в эмиграции в образцовом состоянии. В меро-

приятиях «внутренней» языковой политики следует видеть одну из причин хорошей сохранности родного языка в условиях существования этноса на территории чужого государства.

Языковая ситуация (п.1. 5.) в многонациональном и быстро развивающемся Харбине первой половины и середины XX в. входит в число неординарных. Харбин был своеобразным Вавилоном – «международной выставкой рода человеческого», «многонациональным, разноликим и разноязычным городом» [Василенко 1998].

Проблема языковой ситуации является самой существенной и специфичной для социолингвистики. В понятие языковой ситуации включается вся функциональная сторона языка: социально обусловленный характер функционирования различных форм существования языка и их взаимодействие с другими языками во всех сферах жизни конкретной этнической общности [Аврорин 1975]. Языковую ситуацию в Харбине следует характеризовать как экзоглоссную и как эндоглоссную. С одной стороны, языки, функционировавшие в Харбине, сосуществовали друг с другом и контактировали между собой; с другой стороны, каждый из языков, функционировавших в Харбине, представлял собой совокупность идиомов и обладал, как минимум, двумя регистрами: высоким и низким. Под идиомом понимается какая-либо форма существования языка или ее вариант [Виноградов 1990]. В работе описана и проанализирована языковая ситуация в русском Харбине с учетом ее типологических параметров: восстановлены качественные, количественные и оценочные характеристики. Были установлены следующие признаки языковой ситуации в Харбине начала и середины XX в.: 1) *поликомпонентная*, т.к. включала в себя множество идиомов как на уровне экзоглоссии (на межъязыковом уровне), так и на уровне эндоглоссии (на уровне подсистем – идиомов одного языка); 2) по демографической мощности *разномощная*, т. к. численность носителей идиомов была различна; 3) по коммуникативной мощности *неравновесная,* поскольку число обслуживаемых коммуникативных сфер у каждого идиома индивидуально; 4) по числу функционально доминирующих идиомов *многополюсная*; 5) по лингвистическому характеру составляющих ее идиомов *многоязычная*; 6) по структурно-генетическим признакам сосуществовавших в Харбине языков в разных своих фрагментах характеризующаяся как *гомогенная* и *гомоморфная* (сосуществовали одновременно языки, имеющие общую генеалогию и являющиеся типологически тождественными), *гетерогенная* и *гетероморфная* (сосуществовали языки неродственные и типологически различные), *гетерогенная* и *гомоморфная* (сосуществовали языки морфологически однотипные, но разные по происхождению); 7) *дисгармоничная* по функциональной равнозначности идиомов (сосуществовавшие идиомы не имели равнозначного статуса).

Кроме объективных факторов, определяющих языковую ситуацию, немаловажное значение имеют субъективные, связанные с оценкой идиомов как носителями самих языков, так и носителями других языков «с точки зрения коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т. д.» [Виноградов 1990]. Межнациональные отношения в Харбине можно охарактеризовать как толерантные**,** а межгосударственные (до японской оккупации) были строго регламентированы международными законодательными актами, не предполагающими какой-либо дискриминации местного населения. Потому и отношение к своему и чужому языкам у харбинцев разных национальностей выразилось в двух теденциях: во-первых, в стремлении сохранить свой язык и культуру и, во-вторых, в толерантном отношении к чужим языкам и культуре. Кроме того, необходимо особо отметить *престижность* русского языка в Харбине как следствие его высокой социальной оценки среди китайского населения (выраженное, напр., в стремлении получить образование на русском языке). Высокую общественную оценку русского языка подтверждают такие факты: 1) многообразие сфер жизнедеятельности, в которых применялся русский язык в Харбине; 2) стремление русских сохранить родной русский язык в исконном состоянии и чистоте, поддержание русской языковой среды; отношение к русскому языку как исторической и культурной ценности; 3) признание русского языка в Харбине как средства оформления городского топонимического пространства и некот. др.

Итак, анализ языковой ситуации в Харбине начала и середины XX в. показал, что при значительном количественном превосходстве носителей титульного языка, выступавшего одновременно государственным и официальным, русский язык, также имевший статус официального, являлся более широким в коммуникативном плане средством и рассматривался как язык культуры, знание которого было престижно для носителей титульного языка.

К особенностям языкового бытия Харбина первой половины и середины XX века относится функционирование особой формы речи, выступавшей в качестве контактного языка между русским и китайским населением. Это **русско-китайский пиджин** (п. 1.6).

В работе охарактеризован тип коммуникативной ситуации, средством общения в которой в русском Харбине выступал пиджин. *Участники ситуации:* русские эмигранты, говорившие в основном на своем родном языке, и представители местного населения с основным китайским языком. Носители русского языка имели, как правило, более высокий социальный статус – именно к ним обращались носители китайского языка на пиджине. *Сфера использования* русско-китайского пиджина в Харбине: уличная торговля, оказание услуг, бытовые разговоры. Круг мест общения довольно широк: улица, торговые и др. помещения, приспособленные для оказания различных услуг. *Цель коммуникации* –

обмен услугами и товарами, которые предлагали представители местного населения – носители китайского языка – и пользовались при этом пиджином. *Отношения между участниками коммуникации* неофициальные, *тональность* общения нейтральная, тяготеющая к дружественной. *Способ общения* – устный. Социальную роль данной формы речи в условиях тесного сосуществования русских и китайцев в Харбине следует рассматривать как положительную, способствующую взаимовыгодным контактам.

Русские в Харбине пиджином пользовались мало, фактов для анализа русского этнолекта недостаточно. Языковой контакт в речи русскоговорящих Харбина проявлялся: а) в заимствовании слов из китайского языка, чаще всего для обозначения экзотических понятий; б) во фрагментарной имитации русско-китайского пиджина в соответствующих ситуациях.

В работе выполнен лингвистический анализ харбинского варианта русско-китайского пиджина, реконструированного по данным различных источников: научных, художественных, мемуарных, публицистических. Языковому анализу оказались подвергнуты все уровни рассматриваемого типа языка. Его результаты продемонстрировали особенности взаимодействия систем двух типологически нетождественных языков, проявившиеся в системно представленных в нем явлениях (напр., тяготение к открытости слога и артикуляция звуков по типу близких звуков родного языка – в фонетике, отсутствие словоизменения и стремление к аналитическим формам – в морфологии, тяготение предиката к концу синтаксической конструкции – в синтаксисе и др.). Многие из отмеченных в исследовании языковых особенностей анализируемого варианта русско-китайского пиджина обусловлены влиянием китайского языка как языка изолирующего типа. Вместе с тем языком-лексификатором для русско-китайского пиджина выступал русский язык.

Во второй главе **«Русский язык в восточном зарубежье в начале и середине XX в. (на материале русской периодической печати в Харбине)»** осуществлен разноаспектный анализ языка эмигрантских газет Харбина, по которым можно судить о состоянии русского языка восточного зарубежья в указанный период и его внутренней динамике. Кроме того, анализ газетного дискурса русского Харбина позволяет реконструировать картину мира русского эмигранта в восточном зарубежье и ее ключевые концепты.

В п. 2.1. дана **общая характеристика русской периодики Харбина**. Русские периодические издания восточного зарубежья в начале и середине XX в., были рассчитаны на разную аудиторию, имели различную политическую направленность, преследовали различные цели. Эти и другие факторы обусловливали языковую специфику каждого конкретного издания. Для анализа нами были использованы в основном периодические мас-

совые издания, предназначенные для информирования широкого круга лиц разного социального положения, разных политических убеждений, разного возраста о важных событиях в городе и регионе. Харбинская периодика такого плана представляла собой речевой континуум, рассчитанный на добропорядочного, благовоспитанного, интеллигентного адресата. Это тот самый человеческий идеал, вывезенный в русский Харбин из старой России и сохранявшийся там на протяжении всей истории существования русской харбинской диаспоры.

В структуре массовой периодики русского восточного зарубежья в первой половине и середине XX в. содержались: 1) материалы политического характера о событиях в России и за рубежом в проекции на жизнь русской колонии в Китае; 2) материалы религиозного содержания; 2) материалы, посвященные экономике и культуре Китая, особенно Маньчжурии; 3) материалы о жизни русской колонии, в том числе культурной и спортивной; 4) рекламные материалы и объявления и некот. др. Эти составляющие продиктованы потребностью в публичном освещении указанных сфер практической и духовной деятельности русской восточной эмиграции и характеризуют ее как открытое, толерантное к другим культурам, разносторонне образованное и деятельное сообщество.

По своему языковому качеству периодика Харбина на протяжении всего периода своего существования была неоднородной. Язык харбинских газет и журналов был непосредственно связан с изменениями социального фона, на котором они существовали.

Газеты и журналы Харбина полифоничны по своей сути: в них слышны голоса разных слоев населения в свойственных для них речевых формах. Вследствие этого текстовое пространство харбинской периодики представляло собой открытую (незамкнутую) систему, способную принимать средства разных вариантов национального языка: диалекта, просторечия, жаргона, а потому языковой материал периодических изданий Харбина в бо**л**ьшей степени, чем какие-либо другие письменные источники, характеризовал свое время и своих носителей.

При исследовании языка русской харбинской периодики мы оперируем понятием дискурса, под которым понимаем «особое использование языка … для выражения особой ментальности, в данном случае особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики, и в свою очередь создает особый «ментальный мир» [Степанов 1995]. Осуществляемый в работе дискурсивный анализ позволяет рассматривать речевой континуум, во-первых, как способ интерпретации мира, а во-вторых, как обусловленное языковыми и

внеязыковыми – социальными, психологическими, культурными и др. факторами образование.

Русский язык зарубежья как вариант национального языка репрезентирует одну из разновидностей этноязыковой картины мира, специфика которой обусловлена и экстралингвистически (существование вне метрополии и др.), и собственно лингвистически (существование в иноязычном окружении и др.). Свое выражение способы этноязыковой интерпретации мира находят в продуцируемых этнической общностью текстах. Текстовое пространство русских харбинских периодических изданий можно рассматривать как место реализации универсальных, инвариантных концептов естественного языка в сочетании со специфически наполненными концептами, характерными для того варианта языка, в рамках которого они приобрели особую актуальность.

Совокупность дискурсивных картин мира социума в тот или иной период позволяет реконструировать языковой образ мира этого периода, на основании которого возможно моделирование облика эпохи. В этом случае язык в своей текстовой реализации выступает источником познания мира через представленные в текстах факты, их оценки и коммуникативные стереотипы. В работе (п. 2. 2) осуществляется **анализ дискурсивного поля периодики русского восточного зарубежья** в лингвокультурном и социолингвистическом ключе: выявляется круг культурных доминант этнического сообщества – русских вне метрополии, а также реконструируется картина мира, воплощенная в текстах этого сообщества.

Наибольшую изменчивость, динамичность в диахронии (на протяжении почти ста лет своего существования в русском восточном зарубежье) обнаруживает общественно-политический дискурс при относительной стабильности других типов дискурса: религиозного, научного, юридического, медицинского, рекламного и др. Это закономерно, т.к. общественно-политический дискурс по идеологическим причинам является наиболее подвижным и мобильным образованием, целью которго является «завоевание и удержание власти» [Карасик 2000].

Осмысление конкретной исторической эпохи, а именно истории русской восточной эмиграции в *общественно-политическом дискурсе,* представлено в п. 2.2.1. Было выделено несколько периодов в жизни русского восточного зарубежья, непосредственным образом отразившихся в его общественно-политическом дискурсе, в первую очередь – в его лексическом наполнении: 1) *дореволюционный период* – период постройки КВЖД (с 1898 г. по 1917 гг.); 2) *первое послереволюционное время*, характеризующееся большим эмиграционным потоком из России (1918-1924 гг.); 3) *период советского присутствия на КВЖД* (1924 – 1935 гг.); 4) *период Маньчжу-Го* – время японской оккупации Маньчжурии и Хар-

бина (1932 – 1945 гг.); 5) *второй период советского присутствия на КВЖД* и в Харбине после освобождения его Советской Армией от японцев в 1945 г., закончившийся продажей КВЖД Китаю в 1952 г. и окончательным исходом русских.

Так, напр., в языке харбинских газет послереволюционного периода в полной мере была отражена послереволюционная смута. Это проявилось, во-первых, в общей тональности периодических изданий, которые не могли остаться нейтрально-деловыми и светскими, каковыми по преимуществу являлись до российских революционных потрясений; во-вторых, в лексическом наполнении материалов на общественно-политические темы: в газетах русского восточного зарубежья появилась лексика, обусловленная периодом революции, что стало характерной особенностью общественно-политического дискурса того времени: *комиссар, интернационал, красные, советский, эсэры, Совдепия, большевизм, ЦИК, ревком* и др. Актуализируется также военная и политическая лексика, не являвшаяся прежде частотной и широко употребляемой: *эвакуированный, автономный, регистрироваться, коалиция, дипломатия, генеральный штаб* и др. Эта лексика выполняет номинативную функцию, точно и определенно именуя понятия и реалии политической жизни и военных будней. Обилие высокой и религиозной лексики, характерное для газетной публицистики при освещении политических событий в рассматриваемый период, отражает пассионарное восприятие происходящего с Россией и ее гражданами после Октября в восточном зарубежье: *жертвы, жертвовать, торжество, бытие, благодеяние, презренный, воскресить* и др. Частотным остается употребление слов *на благо-: благородный, благотворительный, благодеяние, благочиние, благоустроенный* и др.

Пафос политических материалов был главным образом антиреволюционным, антибольшевистским. Это выражалось, в частности, в употреблении местоимения *«наши»* для обозначения приверженцев дореволюционной России и белой армии, отстаивавших ее интересы: *«С фронта сообщают, что наше наступление продолжается», «красные ведут упорные атаки, безуспешно стремясь помешать нашему продвижению на Самару»* и др.; нахождение вне большевистского влияния, на расстоянии от него, определялось как *«наш вольный простор»* в противоположность *«советской духоте».* Для выражения отрицательной оценки происходящему на родине, собственного положения в изгнанничестве использовались различные семантико-стилистические приемы: метафоры, в том числе развернутые, метонимия, эпитеты, повторы, градация, риторические вопросы и восклицания и т. д. См., напр., эпитеты и метафоры: *большевистский шквал, тяжкие обиды, лихая година, суровая доля, возмутительный грабеж, революционный паук, злостный паразит* и др. Общественно-политическому дискурсу в рассматриваемый период свойственно при-

сутствие сюжетов русской классики, их переосмысление в связи с новым историческим опытом русских в эмиграции.

Данный тип дискурса обнаруживает свою языковую специфику и в другие отрезки харбинской истории. Таким образом, общественно-политический дискурс русского восточного зарубежья представлял собой динамически развивающийся речевой континуум, в котором прослеживалась четкая зависимость между политической ситуацией и ее репрезентацией средствами языка: изменение расстановки сил на политическом поприще, необходимость популяризации различных политических программ предопределяли языковую форму их воплощения как на уровне номинации предметов и явлений общественной жизни, так и на уровне их оценки. *Динамизм* общественно-политического дискурса в восточном зарубежье был обеспечен главным образом изменениями в лексике – языковым уровне, наиболее живо и чутко реагирующем на внешние факторы, и эти изменения были иными, чем в метрополии, в силу иного социокультурного и исторического фона.

В дискурсивном поле харбинской периодики наряду с общественно-политическим дискурсом наблюдалось присутствие религиозного, рекламного, делового, военного, медицинского, юридического, литературно-художественного, развлекательного и др. типов дискурса. Перечисленные – не политические – типы дискурса в периодических изданиях русского Харбина доминировали и отличались консервативностью: они продолжали дореволюционную традицию, что нашло яркое отражение в их языковом воплощении.

Консервативные тенденции в языке русского восточного зарубежья проявились в тех языковых сферах, которые оказались нетронутыми, неразрушенными в русском Харбине вследствие сохранности соответствующих общественных институтов и структур в дореволюционном состоянии: сфера религиозной коммуникации; сфера официально-деловой коммуникации; сфера образования и науки; сфера культуры и досуга; сфера рекламы; сфера топонимическая; сфера бытовой, обиходно-разговорной речи. Соответствующие эти сферам типы дискурса являются показательными для анализа языковой динамики и языковой устойчивости в зарубежье.

К числу дискурсов консервативного типа относится *религиозный дискурс*, жанры которого были широко представлены в периодике Харбина на всем протяжении ее существования как в специализированных, так и в массовых изданиях (п. 2. 2. 2). В то же самое время в Советской России настала эпоха атеизма, поэтому религиозная тематика была закрытой для периодических изданий. По этой причине в языке метрополии перемещались в пассивный словарный фонд целые пласты высокой и религиозной лексики, продолжавшие оставаться актуальными и активно употребляемыми в языке восточной эмиграции. Это, напр., названия церковных праздников, их действ, атрибутов и участников (*Рождество*

Господа Нашего Иисуса Христа, Рождество Христово, Крещение Господне, *Богоявление, хоругвь* и др.); названия духовных лиц и чинов, в т. ч. собирательные: *епископ, митрополит, архимандрит, владыка, иерей* и др.; названия христианских богослужений, обрядов, таинств и их атрибутов: *молебен, треба, требоисправление, крещение,* и др., и т. д. Элементы церковного стиля присутствовали в текстовом пространстве харбинской периодики не только посредством актуализации книжной и религиозной лексики. Своеобразие в синтаксисе, употребление грамматических форм, свойственных религиозным жанрам, наблюдаем мы при освещении жизни многочисленной харбинской православной общины (напр., частотен императив с частицей *да* и обратный порядок слов: *«Ни один из нас да не встретит Великий Христов день без такой жертвы»* и т .п.).

Религиозное слово в русской периодике Харбина было облечено в разные жанры как собственно религиозного дискурса (это жанры, в которых церковь в лице духовных чинов обращалась к своей пастве: приветствие, обращение, послание), так и присутствовало в жанрах публицистического дискурса (это жанры, в которых рассказывалось о деятельности церкви и всей православной общины: заметка, репортаж, лирический очерк и др.). В связи с этим отмечаем особую значимость религиозного слова, поддерживаемого в русском восточном зарубежье двусторонне: и церковью, и всем харбинским православным приходом через публикации в массовых изданиях, реализующих существовавшую потребность общаться духовно, приближаясь к Богу и высоконравственным божественным заповедям. Духовный стержень в эмиграции в значительной степени крепился церковью.

Традиция обязательного присутствия религиозного слова на страницах русской периодической печати сохранена в эмигрантских изданиях Австралии, куда реэмигрировала большая часть русского населения из Китая, в том числе из Харбина.

В главе получил характеристику и *рекламный дискурс* Харбина (п. 2. 2. 3). Адресатом этого типа дискурса являлся харбинский обыватель, обычный средний горожанин. Данный тип дискурса связан с коммуникативной сферой различных услуг и представлен в харбинской периодике рядом жанров: рекламой, анонсами, частными объявлениями. Названные жанры являются очень яркими в плане демонстрации особенностей быта и культурных пристрастий русского Харбина. Будучи преходящими, не рассчитанными на вечность, они отражают сиюминутность быстротекущей жизни во всем многообразии деталей, мелочей. Особый интерес для исследования эти жанры представляют еще и потому, что их история отлична от истории тех же самых жанров в метрополии, где реклама после революции практически была сведена к нулю, а анонсы существенно изменили свой языковой облик.

В работе проанализированы особенности функционирования названных жанров, выявлены тематические группы и особенности употребляемой в рамках этих жанров лексики, способов выражения оценки. Так, в частности, были рассмотрены наименования лица по профессии и занятиям, которые являются показательными для демонстрации разностатусной лексики, допускавшейся в частных объявлениях харбинских периодических изданий. Анализ этой группы наименований позволил, во-первых, выявить с достаточной степенью полноты состав наименований лица по профессии и занятиям в Харбине XX в., а во-вторых, составить представление о занятости русских харбинок и харбинцев, уровне их жизни и притязаний, другими словами, этот материал может служить источником для воссоздания картины жизни и быта русского восточного зарубежья.

Тематическая группа наименований лица по профессии и занятиям в частных объявлениях представлена названиями лиц, занятых в сфере частного производства и домашнего обслуживания. См., напр.: *экономка, обер-монтер, горный инженер, управляющий, метр-д`отель* 1919; *техник фортопьянный и настройщик* 1920; *личный секретарь, учительница, воспитательница, переводчица, преподавательница английского языка, классная дама* 1920, *прислуга, кухарка, повар, няня, бой, поденщица* 1928, *электро-монтер* 1943, *подручный конфектному мастеру* 1945, *колбасный мастер* 1946 и т.д.

Наименования лица по профессиям и занятиям выступают характеристикой сферы занятости русского населения в Харбине, демонстрируя его неоднородность: (а) среди харбинцев были те, кому требовались работники и специалисты – *техник фортопьянный, личный секретарь, бонна, гувернантка, кухарка* и другая *прислуга*, и те, кто хотел бы получить место – *бонна, гувернантка, кухарка, посудница* и т. п.; б) востребуемый домашний труд носил интеллектуальный характер – *личный секретарь, бухгалтер, гувернантка, бонна*, или обслуживающий – *посудница, кухарка, повариха, прислуга, горничная, дворник, кучер, караульный* и т. п.*;* (в) частное предпринимательство и промыслы, сфера частных услуг в Харбине были высоко развиты, и при этом существовала необходимость в специалистах – *мастерах и мастерицах* – разного профиля: *колбасный мастер, конфектный мастер, пимокат, пчеловод, портниха, шляпница, художница-цветочница, мастерица дамских причесок, мастерица маникюра, маникюрша, педикюрша, парикмахерша* и т. д.; (г) специалисты были разного уровня: начинающие – *подручный, подручница, помощник, помощница, практикантка*, и опытные – *мастера и мастерицы;* (д) были среди работников также те, чей труд не требовал квалификации и опыта: *мальчик, бой, мальчик-рассыльный, разносчик*.

Данная группа наименований включает лексемы и устойчивые словосочетания, называющие дореволюционные профессии и занятия, и сохраняет по сути свой дореволюционный состав на протяжении всего существования русской колонии в восточном зарубежье – до середины XX в. Судьба наименований данной тематической группы в метрополии иная: уже после революции значительная часть лексем данной тематической группы выходит из употребления (*бонна, гувернантка, горничная, бой, мальчик-рассыльный, колбасный мастер* и др.) или меняет свои семантико-стилистические характеристики (*личный секретарь, мастерица* и др.).

Наименования лица относятся к типу имен, способных не столько называть лицо, сколько характеризовать его, т.е. бифункциональны по своей природе [Арутюнова 1980; Шатуновский 1980]. Наименования лица по профессии и занятиям являются именами функционального типа, т. к. характеризуют его по функционально значимой деятельности [Янценецкая 1987; Янценецкая, Лебедева, Резанова, 1991] и, как правило, не содержат в себе оценочного компонента. Социальные оценки в виде предъявляемых к лицу по профессии и занятиям требований выражаются не внутрисловно, а в высказывании (в нашем случае – в текстах частных объявлений) с помощью лексем, содержащих в своей семантике компонент рациональной оценочности, или с помощью специальных формул-клише. Как необходимые, и потому положительно оцениваемые качества работника выступают его опыт, знания и умения в профессии или занятии, отсутствие вредных привычек, положительные отзывы от других работодателей: *Знающий дело, без солидной рекомендации прошу не являться*1919*; требуются не пьющие и знающие свое дело* 1920*; колбасного мастера, хорошо знающего свое дело, ищу* 1920*; Опытная няня. Ищу место к новорожденной в интеллигентной семье* 1920 и т. д.

Среди положительных характеристик и работника, и работодателя частотным является указание на интеллигентность той или иной стороны: ***Интеллигентная*** *молодая особа с мальчиком полтора года ищу себе службу в качестве бонны или же заведовать хозяйством* 1920*;* ***Интеллигентная*** *барышня владеет французским и немецким языками (институтка) желает поступить гувернанткой* 1920 и др. Данное слово – *интеллигентный* – является не только частотным в рассматриваемом жанре, характеризующем харбинского обывателя, но и ключевым в разных типах дискурса русского Харбина и, следовательно, репрезентирует базовый концепт, релевантный для эмигрантского сознания в восточном зарубежье. В Харбине слово *интеллигентный* характеризовалось семантической емкостью и выражало два исключительно высоко оцениваемых в русском Харбине свойства человеческой натуры – культуру и образованность. Понятие *интеллигентный* не предполагало

обязательного владения большим состоянием, не обязательна была также занятость в сфере умственного труда, но предполагалось при любом уровне материального достатка и любой деятельности наличие в человеке воспитанности и знания. Это высоко ценилось в Харбине и было определенной гарантией общественной стабильности в ситуации, когда «мир перевернулся». В работе сравнивается содержание данного концепта в восточном зарубежье и в метрополии, дореволюционной и послереволюционной, где его наполнение было иным.

Рассмотренное тематическое объединение лексики – наименования лица по профессии и занятиям – в миниатюре демонстрирует общие направления развития лексики в восточном зарубежье. Главной особенностью лексической системы русского языка в восточном же зарубежье было сохранение дореволюционного языкового состояния, стабильность, в метрополии же в послереволюционный период, как известно, словарь активно обновлялся.

Кроме информации о персонажах – субъектах различной деятельности, представленной в частных объявлениях русского Харбина, в этом жанре содержится информация, позволяющая реконструировать «сцену», на которой протекали будни харбинского обывателя. Демократизм частного объявления как жанра позволил сочетать полярное, и эта полярность в Харбине органична, поскольку не разъединяет, а объединяет различное в рамках национального, русского. См., напр., объявления о покупке, продаже, изготовлении нарядов и т. п. и объявления сельскохозяйственной тематики, которые подчеркивают разные стороны харбинского бытия. С одной стороны, Харбин воплощал собой образец материальной городской культуры, с другой стороны, это был город с элементами русского крестьянского уклада. Представление в частном объявлении разных сторон жизни русского Харбина повлекло за собой и активизацию различных групп лексики – по тематике, происхождению, сфере употребления, стилистической окрашенности, демонстрируя неоднородность харбинского социума. Тексты частных объявлений показывают, что в Харбине смешалась и литературная речь высшего образованного интеллигентного общества, и простые формы речи – диалект, городское просторечие, профессиональный жаргон, и все это создало подобие естественной языковой среды, необходимой для полноценного существования языка и его длительного сохранения вне метрополии в условиях иноязычного окружения. В западном зарубежье в то же самое время подобная языковая среда отсутствовала: большинство носителей – русские эмигранты первой волны – по причине своего происхождения и полученного образования владели литературным языком (хотя и допускали в своей речи элементы простонародного происхождения) [Земская 2001; Бобрик 2001], там не было какой бы то ни было значительной крестьянской и ремесленной

прослойки с характерной для нее речью, если не влиявшей, то хотя бы поддерживавшей естественную русскую языковую среду в ее многообразии.

Во п. 2.3 второй главы было проанализировано **языковое своеобразие русской периодики Харбина**. Отмечены следующие явления в языке русского восточного зарубежья:

1. Архаизация лексики и грамматики. В харбинской периодике отмечено (1) присутствие значительного количества устаревших с точки зрения носителя современного русского языка средств; (2) наличие языковых средств, вышедших (или выходивших) после революции из русского языка Советской России, но сохраняющих свой прежний статус и активно употреблявшихся в языке восточного зарубежья до середины XX в. и далее. Таким образом, понятие «устарелости» относительно: многие лексические единицы, грамматические формы и синтаксические конструкции имели разный статус в языке метрополии и в языке восточного зарубежья в один и тот же отрезок времени.

Устарелые для метрополии языковые средства выступают как знаки, меты русского эмигрантского бытия в восточном зарубежье, особенностей его мироощущения и демонстрируют связь с Родиной – старой Россией. К числу таких единиц, можно отнести продолжающие активно употребляться в восточном зарубежье (но устарелые в метрополии того времени) наименования меры и веса (*верста, пуд, фунт*), наименования лица (*барышня, горничная, компаньон, сестра милосердия* и др.), наименования других понятий (*жалованье, пансион, приют, пользовать* и др.). Кроме того, обнаружились и особенности синтагматического плана, образующие своеобразное поле лексических и синтаксических зависимостей в русской речи восточного зарубежья, оказавшихся утраченными или замещенными в языке метрополии (*искать ответственного места, роды с полным содержанием, лечебница с постоянными кроватями, требуется в отъезд, телеграфные ставки предположены к изменению, при катастрофе выбросился из автобуса* и др.).

Воспринимаются как архаичные многие грамматические формы и конструкции, характерные для языка харбинской периодики. К числу таковых относится: 1) Максимальная распространенность предложений, замещенность всех синтаксических позиций (напр.: *В результате производства подробного расследования случая неисполнения своих обязанностей д-ром А.В. Линдером, главным врачом КВжд предложено ему подать прошение об увольнении от службы* 1927); 2) Страдательные конструкции как грамматическая доминанта, причем субъект действия, выраженный формой Тв. п., как правило, находится в препозиции к предикату (напр.: *Вчера на лесопилке главного склада бревном был ушиблен рабочий-китаец* 1927); 3) Частотность конструкций с рематическим компонентом в пре-

позиции, при этом предикат, как правило, заключает предложение (напр.: *Колбасного мастера, хорошо знающего свое дело, ищу* 1920); 4) Использование устарелых в современном языке грамматических форм (напр.: *Плакаты, рекламы, летучки заказывайте…*1927). Обнаруженные архаические черты в русском языке восточного зарубежья свидетельствуют о языковой консервации в восточном зарубежье, где сохранялись правила дореволюционного обращения с языком как в области лексики, так и в области грамматики, что при сопоставлении с языком метрополии выявляет архаичность русской языковой системы в зарубежье.

2. Возникновение новых лексических единиц. В языке русского восточного зарубежья на протяжении первой половины XX в. происходило обновление лексики и осуществлялось это универсальными способами: (1) через заимствования из языка принявшей страны – китайского языка; (2) через заимствования из западно-европейских языков, отражающие научно-технические, технологические и др. прогрессивные новинки своего времени; (3) с помощью механизмов языковой номинации: возникали новые слова по моделям собственно русского словообразования, развивалась полисемия.

В работе рассмотрены *заимствования из китайского языка*, их состав и характер. Несмотря на интенсивность контактов русских и китайцев в Харбине, китайские заимствования были немногочисленными. Это объясняется несколькими причинами. Процессу беспрепятственного, свободного заимствования мешает, как правило, трудный для русского восприятия фонетический облик китайского слова. Другая причина социокультурного плана: представление о своем языке как имеющем более высокую социальную и культурную значимость было свойственно русским в Китае.

Состав заимствований из китайского языка, функционировавших в русской речи эмигрантов из России в первой половине XX в. таков: они обозначают реалии китайской жизни, экзотичные, чужие для русского человека, далекие от традиционного уклада русской жизни (*кан* – лежанка, место для сна и отдыха, *чумиза* – сельскохозяйственная культура, *фен* – мелкая китайская монета и др.). Процесс лексического заимствования сопровождал освоение русскими эмигрантами отдельных сторон жизни и быта чужой для них страны. Среди заимствований из китайского языка, используемых харбинцами, есть непосредственные (*куня, батат* и др.), а есть такие, которые лишь активизировались в языке восточного зарубежья: в языке метрополии эти слова имели статус экзотизмов (*фанза, женьшень* и др.).

Возникновение з*аимствований из западно-европейских языков* обусловлено всплеском научной и инженерной мысли в начале XX в., а поскольку с этого времени русский

язык существовал и в метрополии, и в зарубежье, проникновение западно-европейских заимствований в русский язык восточной эмиграции осуществлялось разными способами. Во-первых, заимствования из западно-европейских языков могли проникать одновременно и в язык метрополии, и в язык эмиграции. В большинстве случаев это давало разный результат, отразившийся в способе транслитерации, орфографического оформления заимствованного слова, его грамматических и произносительных свойствах (*состязания по валлей-болл`у* 1927; *Русский Баскет-Болл Клуб* 1936; *маньчжуры выиграли хавтайм со счетом 2:14* 1936; *джерсе* 1927; *креп-де-шин* 1937 и др.). Кроме того, состав заимствований из западно-европейских языков и степень их освоенности были различны в западном и восточном русском зарубежье. Во-вторых, в языке русского восточного зарубежья мог быть и опосредованный путь западно-европейского заимствования: через язык метрополии. Полагаем, так обычно происходило в дореволюционный период, когда русская колония в Китае не была противопоставлена метрополии по способу своего общественного существования, а являлась ее частью, пусть и территориально отделенной. В этом случае также могла быть различной графико-орфографическая интерпретация заимствованной лексики, но это уже являлось следствием неустановившейся нормы правописания на том или ином участке русской орфографии.

Новообразования. Новые слова в языке русского восточного зарубежья в первой половине XX в. возникали по существующим в русском языке моделям с использованием русских и заимствованных морфем. Наиболее активными были композитивные способы словообразования: различные виды сложения – словосложение (*агент-движенец китайской национальности* 1927); основосложение (*совето-финская война* 1940, *Гонконг-Шанхайский банк* 1923); сложение с суффиксацией (*волосолечебница* 1923); сложение с участием аналитических прилагательных (*радио-фильма* 1945); аббревиация (особенно в 20-е гг.) (*ХПИ, Желсоб*), а также суффиксальный способ словообразования (*бейс-болист, толкайщик, хайларский*). Единично встречались новые префиксальные, префиксально-суффиксальные образования, отмечались и сращения. Актуализированной оказалась и сфера семантической деривации. Выявленные примеры новообразований систематизированы и описаны в работе.

Собственно харбинская лексика. Проанализированный в работе лексический материал показывает наличие лексических единиц, употребление которых свойственно лишь для русского языка восточного зарубежья. Эта лексика называла предметы, явления, события русской восточной эмиграции, т. е. имела ярко выраженный региональный характер. Такая лексика условно обозначена нами как «собственно харбинская». В состав соб-

ственно харбинской лексики мы включаем несколько видов наименований, различающихся способами своего возникновения: (1) лексические единицы языка с новым семантическим наполнением: *линия, дорога, маньчжуры, прибежать* и др.; (2) лексические единицы, возникшие для обозначения новых реалий при помощи словообразовательных средств русского языка: *харбинцы,* ед. *харбинец, харбинка и харбинский*; *кавэжэдэки, Трехречье, трехреченцы и трехреченский; хайларский, тридцатники, толкайщик, Захинганье и Захинганский, КВжд, ХОС, ОРО, Желсоб, японсул, ХПИ, совподданные*, *китподданные* и др.); (3) заимствования из восточных языков – китайского, японского, монгольского, главным образом – китайского, а также актуализированные в восточном зарубежье экзотические наименования китайского происхождения, заимствованные русским языком до начала XX в.: *фанза, хунхуз, гаолян, жень-шень, ханжа, хана, ходя, рикша, кан, фен, гоби, шан, фын-пао, чумиза, пампиза, сяомицза, та-хула, батат, син-гоуцзы, лянцай, финтеза (фунгоза), пинго, тян-бин, чжангуйда (джангуйда), куня, ама, цин-кэ, мачэ, даоинь, Ниппон, иена(ена), хибачи, саке, татами, жохо, ганьчжурва хутухта* и некот. др.); (4) топонимические и микротопонимические наименования, созданные по русским ономастическим моделям: названия улиц Харбина *Почтовая, Торговая, Гоголевская, Аптекарская, Тверская* и др.; названия городских районов, железнодорожных станций и т.п.: *Солнечный остров, Пристань, Романовка, Пограничная* и др.; наименования городских объектов – учреждений, магазинов, театров, гостиниц и т. п.: *Желсоб – Железнодорожное собрание; ХПИ – Харбинский политехнический институт,* магазин *«Книжный шкаф»,* ресторан *«Крым»* и др. Данные наименования отнесены к объектам пространства на территории Китая и Харбина, но направлены они на выполнение функции пространственной ориентации для русскоязычного населения. Создание русской ономастической среды оказалось возможно и необходимо в русском восточном зарубежье. В метрополии такая топонимика представляет норму, а в зарубежье является свидетельством признания важной роли строителей КВЖД и, значит, России, в развитии востока Китая и Харбина в начале XX в.

В сферу собственно харбинской номинации входят и идиоматические выражения, сложившиеся в русский период Харбина. Каждая из таких номинаций отличается семантической емкостью и представляет собой фрагмент языковой картины мира в русском восточном зарубежье, отражая факты истории и культуры русского Харбина. См., **Октябрьская революция на дороге** «день перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление 3 октября 1924 г.» Этот день стал драмой для многих русских жителей Харбина и линии. С приходом советской власти на дорогу исчез последний островок дореволюционной российской жизни, чудом сохранившийся в полосе отчуждения до этого момента. Местные остряки прозвали этот день «Октябрьской революцией на дороге» [Аблова 2004] и др.

Итак, мы наблюдаем полную реализацию номинативных возможностей русской языковой системы в восточном зарубежье, что составляло одну из важных ее особенностей. Сохраненная способность к языковым новообразованиям в условиях существования языка вне метрополии и ее языковой среды свидетельствует о возможности эволюционного развития языка в зарубежье.

Орфографический аспект харбинской периодики рассмотрен в п. 2. 4: проанализирован ее переход на новые правила орфографии в сравнении с тем, как это происходило в метрополии и западном зарубежье. Для печатных изданий восточного зарубежья на протяжении первой половины XX в. характерно отсутствие единой орфографической нормы и «орфографический разнобой». Известно, что переход на новую орфографию в русском зарубежье имел идеологическую подоплеку, поэтому мы проследили зависимость политической направленности периодических изданий Харбина и следование ими старой или новой орфографической норме. Было установлено, что для периодических изданий, не принимающих новую власть в России, характерна консервативная тенденция по отношению к орфографии и, соответственно, следование правилам старой или упрощенной орфографии, а для изданий советской направленности и просоветских – прогрессивная, выражающаяся в следовании новой орфографической норме. При этом переход к новой орфографии постепенно осуществлялся и в конце концов произошел в 1943 г. Основные причины перехода на новую орфографию в восточном зарубежье следующие: (1) изменились изначальные политические установки издателей, и новые орфографические правила переставали восприниматься как «атрибут Октябрьской революции»; (2) назрела необходимость в единообразной русской орфографии, которая в наибольшей степени отвечает требованиям хорошей коммуникации; (3) отсутствие единой орфографии делало проблематичным обучение русской грамоте в эмигрантских школах и вызывало недоумение у самих детей. Таким образом, стремление к унификации орфографического стандарта оказалось сильнее идеологических догм. Единая русская орфографическая норма с течением времени стала насущной необходимостью, и ее принятие способствовало как раз не разъединению русской эмиграции с той Россией, которую они покинули, а соединению с ней.

Кроме того, проанализированы факты русской орфографии в восточном зарубежье первой половины XX в., не связанные с реформой и, следовательно, не обусловленные идеологически (п. 2. 4. 3). Эти факты отразили состояние орфографической нормы русского языка того времени и ее вариативные участки. Орфографическая вариативность в периодических изданиях восточного зарубежья наблюдается в следующих основных случаях: (1) слитное, дефисное и раздельное написание слов (*двенадцати-летний, быть на чеку, потомучто*); (2) правописание удвоенных согласных (*о**ф**ициальный – о**фф**ициальный*); (3)

выбор **О** и Е после шипящих в корне и суффиксе (ш**о**пот, руч**е**нка); (4) выбор **Э** или **Е** в заимствованных словах (*про**э**кт – про**е**кт*). Эти случаи демонстрировали вариативность не только в языке русского восточного зарубежья первой половины XX в. По данным Т.М. Григорьевой и С.В. Науменко, в конце XIX - начале XX вв. в русской письменной практике отмечалось шесть основных типов вариантных написаний, в том числе три из отмеченных нами в письменной речи восточного зарубежья, а именно: написания слитно/раздельно/через дефис; одиночная/удвоенная согласная; Е/О после шипящих в корне и суффиксе [Григорьева, Науменко 2006]. Однако в метрополии шел постепенный процесс избавления от орфографической вариативности через кодификацию, без которой вариативность не может быть исчерпана. Кодификация же представляет собой законодательный акт и возможна лишь в метрополии. Следовательно, орфография в зарубежье вряд ли смогла бы преодолеть вариативность самостоятельно.

К числу основных тенденций в орфографии русского восточного зарубежья первой половины XX в. в отсутствие четкой орфографической нормы относятся: (1) стремление к дефисному написанию сложных слов, особенно если первой частью выступает заимствованный интернациональный элемент типа *радио-, электро-, фото-* и т.п., а также частиц со знаменательными словами; (2) стремление к удвоению согласных в заимствованных словах в соответствии с удвоением в языке-источнике; (3) стремление к фонетическому написанию гласных в заимствованных словах. На последние две особенности в связи с анализом орфографии эмигрантской прессы западного русского зарубежья по материалам 1919-1939 гг. обращал внимание А. В. Зеленин [Зеленин 2007]. Обе они связаны с правописанием заимствованных слов и отражают практическую целесообразность унификации правописания и произношения одних и тех же слов в разных языках.

В целом по данным периодических изданий русского Харбина первой половины XX в. можно составить представление о языке русского восточного зарубежья как живом развивающемся организме, качественно-количественные характеристики которого отличаются от соответствующих характеристик в языке метрополии в силу обстоятельств социального характера (тесные контакты с народом страны проживания, пестрый социальный состав русского населения в восточном зарубежье, относительно стабильный, традиционно устроенный быт и др.).

В рассмотренных нами источниках не было отмечено явлений, свидетельствующих о разрушении системы русского языка в этот период. Одной из причин тому было существование русской диаспоры в Китае в среде типологически неродственного языка – китай-

ского, необычность и сложность которого для славянского восприятия привела к своеобразной автономии от него основной массы русского эмигрантского населения.

Третья глава **«Русский язык в восточном зарубежье в конце XX в. (на материале записей речи последних представителей русской диаспоры в Харбине)»** посвящена речи последних русских харбинцев, чья лингвистическая компетенция формировалась в Харбине.

В п. 3. 1. речь идет **о высоком уровне владения русской литературной речью** в Харбине, об особом русском языке харбинцев, о чем сохранилось немало упоминаний в различных источниках. Русский язык Харбина и – шире – восточного зарубежья уже в середине XX в. отличался от русского языка в метрополии: бывшие харбинцы в своем языковом сознании противопоставляли русскую речь советских граждан и русскую речь эмигрантского Харбина. Весьма частым в источниках является и упоминание о том, что в Харбине был распространен так называемый «петербургский выговор». Высокий образовательный уровень харбинцев, наличие, с одной стороны, речевого эталона, а с другой – естественной пестрой русскоговорящей среды, а также мероприятия общественной языковой политики обусловили хорошую сохранность русского языка, высокую степень его устойчивости вне метрополии, в контакте с другими языками.

В начале 60-х гг. XX в. практически все русское население покинуло Китай. В Харбине оставались жить последние представители русской диаспоры – остатки некогда обширной русской колонии на территории Китая. К середине 80-х гг. XX в. их было чуть более 200 человек, в январе 2000 г. – шестеро, в 2006 г. в возрасте 96 лет умерла последняя русская харбинка Е. А. Никифорова.

В главе (п. 3. 2) нами предпринят опыт **речевого портретирования** последних представителей русского восточного зарубежья – харбинцев на материале записей их устной речи, в качестве дополнительных источников использовались и материалы частной переписки с русскими харбинцами, их дневниковые записи. Была записана речь шести русских, постоянно проживавших в Харбине: М. М. Мятова, 1912 г.р.; Е. А. Никифоровой, 1910 г.р.; Н. А. Давиденко, 1910 г.р.; М. И. Антоновой, 1926 г.р.; П. В. Свининниковой, 1931 г.р.; В. А. Зинченко, 1935 г. р., Все представители немногочисленной русской диаспоры были людьми преклонного возраста, все они – граждане России, в которой либо никогда не были, либо были увезены оттуда детьми. Пятеро из шести сохранили хороший русский язык. Самым неожиданным фактом было то, что четверо из шести русских не знали китайского языка – языка страны проживания. Последние русские харбинцы в основном были одинокими людьми, не пожелавшими уезжать от родных могил в Китае

(Мятов М.М., Никифорова Е.А., Зинченко В.А., Давиденко Н.А.), среди них были и те, кто связал себя узами брака с китайцами (Свининникова П.В., Антонова М.И.), имел в смешанных браках детей, проживающих в настоящее время в Китае. Также нами были сделаны записи речи хорошо говорящей по-русски кореянки Валентины Павловны Хан (Хан Минг Хай), 1924 г. р., примкнувшей к русской диаспоре, и записи речи потомков от смешанных браков русских и китайцев – сестер Елены и Зинаиды Лукьяновых, 1924 и 1933 г. р. соответственно. Кроме того, нашими информантами были и русские харбинцы, эмигрировавшие в начале 60-х гг. XX в. в Австралию Н. Н. Заика, В. С. Стаценко и др. Краткие сведения об информантах – представителях русской диаспоры в Харбине и их потомках, а также расшифрованные записи речи последних русских харбинцев содержатся в приложениях I – VII. Таким образом, в числе информантов представители разных миграционных волн и разных поколений эмигрантов из России в Китай. Совокупность сведений об эмигрантах всех волн и поколений русского восточного зарубежья позволила представить русский язык восточной ветви русской эмиграции на протяжении всего.

Десятки лет проживания в инонациональной среде естественно ведут к необходимости знать язык страны проживания и к угасанию способности говорить на родном языке при отсутствии постоянной языковой среды. Иной результат заставляет искать особые причины сохранения родной речи в неблагоприятных для этого условиях. Последние представители русской диаспоры в Харбине – уникальные языковые личности, демонстрирующие факт длительного сохранения родной речи в иноязычном окружении.

В речи последних русских харбинцев имеются общие черты и черты, специфичные для каждого из них. Различие обусловлено как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: принадлежностью к определенной волне и поколению эмиграции, происхождением, образованием, профессией, полом, семейным положением, темпераментом и др.

Условия жизни в Харбине, многонациональном и многоязычном в первой половине XX в., с возрастающим преобладанием китайского населения и доминированием китайского языка во всех сферах жизни во второй половине XX в., казалось бы, должны неизбежно подталкивать к овладению другим языком, и ситуация билингвизма в этом случае представляется естественно прогнозируемой. Однако реально сложившееся в русской диаспоре Харбина во второй половине XX в. положение демонстрирует *разнообразие типов по количеству используемых в общении языков.* В нашей работе мы делаем акцент на том фрагменте языковой ситуации в Харбине, который касается русско-китайского и китайско-русского языкового взаимодействия. Она демонстрирует как минимум шесть (6) типов языкового существования, характеризующихся разной языковой компетенцией рус-

ских эмигрантов разных волн в Китае в первом - третьем поколениях, которые условно обозначены нами как А, Б, В, Г, Д, Е:

Тип А. Хорошее сохранение родного – русского – языка, знание других языков – европейских и восточных при незнании китайского языка (М. М. Мятов, Н. А. Давиденко).

Тип Б. *(оптимальный)* Сохранение родного – русского – языка при хорошем владении языком страны проживания – китайским (В. А. Зинченко).

Тип В. Знание только русского языка (Е.А. Никифорова, М.И. Антонова, А.Е. Мичкидяева; а также Н. Н. Заика, В. С. Стаценко – до эмиграции в Австралию).

Тип Г. Знание русского и китайского языков при доминировании китайского (П. В. Свининникова, Е. и З. Лукьяновы).

Тип Д. (*неординарный)* Хорошее знание неродного русского языка в Китае нерусским по национальности и происхождению лицом при знании других языков (В. П. Хан).

Тип Е. Хорошее сохранение родного – русского – языка, знание других языков – европейских и восточных, в том числе китайского языка (Т. Н. Федорова, Т. И. Золотарева).

Представленные типы демонстрируют возможные способы языкового существования личности, определяемые социально и лингвистически. Их объединяет ориентированность на сохранение русского языка как языка родины и великой культуры.

Способом лингвистического описания разных типов языковой личности избрано *социально-речевое портретирование,* потому как оно показывает языковую личность в совокупности ее социальных и собственно языковых особенностей, находящихся в отношениях взаимообусловленности. Каждый из последних представителей русской диаспоры в Харбине представляет интересный объект для социально-речевого портретирования, т. к. демонстрирует тип языковой адаптации конкретной личности, характеризующейся своими собственными социолингвистическими параметрами, в неординарной языковой ситуации.

Создание речевых портретов с учетом особенностей говорящей личности на всех уровнях языковой системы, а также особенностей речевого поведения, личных, профессиональных, биографических сведений, по мнению Е.А.Земской, является одним из возможных направлений исследования русского языка зарубежья [Земская 2001]. При речевом портретировании представителей русской восточной эмиграции и их потомков были описаны фонетические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и лексические особенности их речи в сопоставлении с нормами русского языка. Кроме того,

нас интересовала социолингвистическая составляющая, а именно как формировалась языковая компетенция представителей того или типа.

Русский язык последних представителей восточного зарубежья в Харбине демонстрирует высокую степень сохранности на всех уровнях системы, хотя эта степень различна и зависит от типа языкового существования личности, обусловленного экстралингвистическими факторами (смешанный брак, образование и др.).

Типы А и В показывают необязательность знания языка страны проживания – китайского – вследствие высокого статуса русского языка и широты сфер его применения в Харбине в течение жизни представителей этого типа.

Среди них - *Михаил Михайлович Мятов*, хорошо сохранивший родной язык, несмотря на 80 лет жизни вне метрополии. ММ знал английский, немецкий, французский языки и разговорный японский. Русская разговорная речь ММ консервативна и демонстрирует сильное влияние письменного языка, одной из причин чего является отсутствие в конце жизни полноценного устного общения на русском языке. При этом русская речь ММ не испытала ни малейшей интерференции под воздействием других языков.

Речь последней русской харбинки *Ефросиньи Андреевны Никифоровой* (тип В) соответствовала разговорному стандарту русского литературного языка метрополии и отражала норму русского литературного языка (или ее тенденцию) в первой половине XX в. Речь ЕА не претерпела изменений в своей структуре под влиянием языка страны проживания – китайского и продемонстрировала устойчивость, стабильность системы родного языка, силу традиции и здоровый консерватизм в нем.

Существование таких языковых личностей во многом было обусловлено экстралингвистическим фактором: высоким статусом русского языка в Харбине в XX в., его достаточностью для удовлетворения всех нужд коммуникации.

Тип Б является оптимальным и свидетельствует о культурной необходимости помнить родной язык и знать язык страны проживания для наилучшей социальной самореализации. Представителем этого типа был *Владимир Алексеевич Зинченко*, родившийся в Харбине и всю жизнь проживший там. Он говорил хорошим, выразительным русским языком, не интерферированным под влиянием чужой языковой системы, свободно владел лексическими, фонетическими и грамматическими ресурсами родного языка. Ошибки случались в его русской речи, но они не были частотными и в значительной степени были обусловлены спонтанным характером устной речи.

Социальные характеристики ВА скорее должны были бы препятствовать, чем способствовать сохранению родного языка: среднее образование, занятия сельскохозяйственным

трудом в течение всей жизни, активные трудовые контакты с китайским населением, смешанный брак. Вместе с тем в типе личности ВА имелись черты, которые сыграли роль «охранителей» родного языка: это высокий интеллектуальный уровень, способность к рефлексии, постоянное самообразование, глубокое знание истории и культуры своего народа, понимание его национальных ценностей, глубокое переживание за судьбу своей так и не обретенной в физическом смысле родины, но постоянная духовная связь с ней. К факторам, способствовавшим сохранению его русского языка, следует отнести хорошее школьное образование в Харбине и наличие там высокого образца русской литературной речи, который был престижным и распространялся на разные слои населения.

ВА был билингвом: знал, кроме русского, китайский язык – язык страны проживания, что является оптимальным в условиях диаспоры. Эта сторона его языковой компетенции во многом обусловлена психологическим типом личности ВА, которому была необходима активная социальная деятельность, что стало невозможным после массового исхода русских из Харбина, и ВА потребовалось полное погружение в иную языковую и этнокультурную среду, чтобы жить и выжить. Особенностью речевого поведения ВА было сочетание книжных и сниженных средств языка в разговорном дискурсе, обусловленное, с одной стороны, влиянием усвоенных в детстве в домашней среде разговорных и диалектно-просторечных вариантов употребления, а с другой стороны – влиянием русской образовательной и культурной среды в Харбине.

Тип Г по своей сути является прагматическим. Он мог бы считаться естественным при доминировании культуры принимающей страны. В нашем случае данный тип представляют носители диалектно-просторечной языковой культуры (=не элитарной культуры с ее неизменным атрибутом – литературной формой языка), что является одним из факторов, определяющим данный тип языкового существования в многоязычной среде. К числу факторов того же порядка будут относиться следующие: брачные отношения с представителями китайской национальности, «культурная» революция в Китае, когда языковая политика в отношении русского языка перестала быть лояльной и предпочтительно было «забыть» о своей этнической принадлежности. Все это способствовало угасанию русского языка у метисов – потомков от смешанных браков русских и китайцев.

Русскую речь двуязычных представителей русской диаспоры в Харбине, относящихся к типу Г, нельзя считать чистой и правильной. Безусловное преобладание ситуаций, в которых требуется использование китайского языка, постепенно привело к значительной интерференции в области русского языка и его постепенному забыванию. Русский язык обследованной группы билингвов все больше становился языком для общения с русскими, приезжающими в Харбин, поскольку между собой билингвы предпочитали говорить

по-китайски, и это свидетельствует о доминантном статусе китайского языка внутри этой группы. Двуязычие наших инфомантов имеет переходный характер: от субординативного двуязычия с доминантой русского языка к субординативному двуязычию с доминантой китайского языка. Но, несмотря на объективно обусловленное забывание языка этнической родины, в сознании наших информантов русский язык – это язык старого русского Харбина, язык культуры и православия, сохранить который, в их представлении, престижно.

Тип Д определяется нами как неординарный, уникальный: нерусский по национальности родившийся и живущий в Китае носитель языка, не принадлежащий титульной – китайской – нации, но являющийся гражданином Китая, начинает учить китайский язык только в зрелом возрасте – во второй половине жизни, и при этом очень хорошо говорит по-русски и русский язык называет языком, на котором думает. Речь идет о кореянке В.П. Хан, считавшей себя русской по духу и культуре, что было воспитано в ней русским Харбином. Этот тип так же, как типы А и В, показывает высокий статус русского языка и русской культуры в Харбине. Кроме русского, корейского, японского и китайского языков, ВП хорошо знала английский язык, преподавала русский и английский языки китайским детям.

В русской речи ВП отражается литературная норма русского языка начала XX в., что свидетельствует о консервации языка в зарубежье. Не соответствующие норме русского языка (как современной, так и норме начала XX в.) факты речи ВП позволяют уловить историю развития ряда частных явлений русского языка, а также интерферирующие тенденции в условиях языкового контакта.

Итак, речевое портретирование последних представителей русской диаспоры в Харбине показало, что при наличии индивидуальных речевых черт у каждого из наших информантов были обнаружены и общие особенности. Укажем на них.

1. Отсутствие фонетической, грамматической и лексической интерференции в речи последних представителей русской диаспоры в Харбине (кроме типа Г, который представляют потомки от смешанных браков русских и китайцев, и в единичных случаях в типе Д, представленном речью русскоговорящей кореянки, примкнувшей к русской диаспоре).

2. Консервативные тенденции в речи, проявлявшиеся в употреблении устаревшей лексики и устаревших грамматических форм и конструкций.

3. Активное использование религиозной лексики, времяисчисление по церковному календарю.

4. Употребление «собственно харбинской» лексики, включающей наименования реалий восточного зарубежья, в том числе непосредственно заимствованные из китайского языка.
5. Небыстрый темп речи, четкая артикуляция.

При всем том нарушения норм русской речи на отдельных участках языковой системы наблюдались, хотя и не были частотными (скорее – единичными). Это участки, характеризующиеся неустойчивостью не только в языке восточного зарубежья, но и западного зарубежья, и метрополии, и, следовательно, имеют универсальный характер.

Значительные нарушения норм наблюдаются в речи представителей китайско-русского двуязычия – потомков от смешенных браков русских и китайцев или состоявших на протяжении десятков лет в браке с китайцами, постоянно находившихся в их среде и приобщившихся к китайской культуре (тип Г). В их русской речи прослеживается интерференция на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, хотя русский язык они считают престижным и всячески подчеркивают свою отнесенность к русскому этносу и культуре.

Русский язык в восточном зарубежье испытал *консервацию*, что проявилось в активном употреблении в речи харбинцев устаревшей в метрополии лексики, в существенной доле книжных слов в разговорной речи и др. Но вместе с тем русский язык восточной ветви эмиграции представлял собой развивающееся, *эволюционирующее* явление. Так, в речи последних представителей русской диаспоры в Харбине присутствовали наименования, возникшие в речи восточного зарубежья обычными для языка способами (заимствование, словообразование, полисемия): *менялка, тофу, полукровец* «потомок от смешанного брака», *австралиец* «русский харбинец, эмигрировавший в Австралию» и др. В разговорном дискурсе последних русских харбинцев отмечено употребление лексики, зафиксированной нами в периодических изданиях русского восточного зарубежья первой половины и середины XX в. и условно обозначенной нами как «собственно харбинская», что подчеркивает региональность ее употребления, напр.: *дорога* «Китайско-Восточная железная дорога» [1919; Мятов 2000; Зинченко 2001; Никифорова 2002 и др.], *европеец* «одно из самоназваний русских в Харбине, подчеркивающее отношение к другому типу цивилизации – европейскому в противоположность азиатскому типу» [1943; Зинченко 2000 и др.], *ламоза* «русский» (заимств. из кит. яз.) [1940; Никифорова 2001 и др.], Желсоб «здание Железнодорожного Собрания в Харбине» [1927; Золотарева 2000 и др.] и др. В этом смысле обнаруживается преемственность речевой традиции, сложившейся в Харбине, что харак-

теризует харбинский речевой континуум как единое целое на протяжении века своего существования.

Лексическое обогащение, коммуникативно удобная унификация или другое какое-либо прогрессивное изменение в языке свидетельствуют о его естественном развитии, в нашем случае – несколько ином, в отличие от метрополии пути, обусловленном существованием в другом социальном контексте.

В работе была проанализирована в аспекте соответствия норме литературного языка и русская речь так называемых «австралийцев» – бывших харбинцев, эмигрировавших в Австралию – В.С., Н. Н., Т.М., И.А., Н.А. (п. 3. 2. 8). Они свободно владеют русским языком, несмотря на то, что впервые посетили Россию в зрелом возрасте, а одна из информанток родилась уже в Австралии и в России никогда не была. Их русский язык в целом соответствует литературной норме начала XX в., но имеются единичные нарушения в области лексики, морфологии, синтаксиса, фонетики на слабых, «неустойчивых» участках языковой системы, некоторые нарушения обусловлены влиянием английского языка, являющегося официальным в современной Австралии. Наблюдения над речью русских эмигрантов из Харбина в Австралии показывают, что изменения в их русском языке схожи с изменениями в русском языке западной эмиграции и в языке метрополии, следовательно, они универсальны. Однако, как показывают специальные исследования, нарушения норм русского языка в западном варианте наблюдались уже в речи первого поколения эмигрантов. В восточном – харбинском – варианте аналогичные нарушения нормы отмечаются лишь в речи третьего поколения эмигрантов, переживших реэмиграцию. «Опоздание на две ступени» можно объяснить тем, что русский язык обладал высоким статусом и занимал особое положение в Харбине. Безусловно, большое значение имело и сознательное стремление русских харбинцев, затем австралийцев, сохранить свой язык.

Речь последних представителей русской диаспоры в Харбине была проанализирована нами с точки зрения ее **произносительных особенностей** (п. 3. 3). Полученные результаты были соотнесены с описываемыми в научной литературе орфоэпическими вариантами нормы – петербургским и московским. Конечной целью такого анализа было установление того, какой же из двух произносительных вариантов нормы доминировал в русском восточном зарубежье, а именно в Харбине, а также подтверждение или опровержение существующего в мемуарной и научной литературе нелингвистического характера мнения о петербургском произношении в Харбине и установление причин такого доминирования при его подтверждении.

Выводы были сделаны на основании непосредственного наблюдения над живой звучащей речью информантов при ее многократном прослушивании. Кроме пяти основных отличий московского и петербургского вариантов произносительной нормы, в перечень включены некоторые периферийные, но помогающие диагностировать орфоэпический статус речи наших информантов отличия. Нами были отобраны 15 особенностей петербургского варианта произносительной нормы из полного списка, представленного в исследовании Л.А. Вербицкой [Вербицкая 2001]. Кроме магнитофонных аудиозаписей, мы располагали их цифровым аналогом и расшифровкой, что, с одной стороны, позволяло с опорой на компьютерную технику получить достаточно объективное представление о фонетических особенностях речи наших информантов, а с другой стороны, рассмотреть все многообразие искомых звуковых реализаций.

Анализ данных, которые были получены при сравнении различных произносительных систем с произношением последних русских харбинцев, показал, что русская речь в Харбине по своим произносительным особенностям была близка к петербургскому произносительному варианту нормы, который в начале XX в. еще существовал в метрополии, но постепенно двигался в сторону единой произносительной нормы литературного языка. Наш материал показывает, что в устной речи русского восточного зарубежья произносительный вариант, близкий петербургской норме, сохранялся в течение более длительного периода времени.

Соответствие харбинского произношения петербургской норме происходит по 12 из 15 рассмотренных нами позиций. В числе произносительных особенностей русских харбинцев имеются такие, которые соответствуют только петербургскому произношению: эканье; звук [а^{ъ}] средненижний и средний в первом предударном после твердых на месте **а** и **о**; конечные согласные губные твердые – по преимуществу; отсутствие ассимиляции в возвратных формах глаголов, которые, как правило, произносятся как [тса] и [тс`а] и реже – как [ца]. Реализации, совпадающие только с московским (старомосковским) вариантом произносительной нормы, непоследовательно встречаются в речи отдельных информантов (напр., у Е.А. Никифоровой, которая в ряде случаев произносит –ут (-ют) в окончаниях глаголов 3 л. мн. ч.).

Большинство же из отмеченных в речи русских харбинцев орфоэпических реализаций, совпадая с петербургским (чаще) или московским (реже) вариантами произносительной нормы, одновременно совпадают и с современной орфоэпической нормой, что демонстрирует однонаправленное движение произносительной нормы в метрополии и восточном зарубежье. Таким образом, интуитивно определяемая многими наблюдателями хар-

бинская речь как речь петербургского (ленинградского) типа действительно таковой является по целому ряду признаков.

В ходе исследования возник вопрос о том, как в восточном зарубежье мог появиться один из двух столичных произносительных вариантов и сохраняться длительное время в речи русских харбинцев, а также их потомков, выдерживая и влияние других языков, и влияние других форм национального языка – диалектной, просторечной, с носителями которых вступали в контакт носители русского литературного языка в Харбине.

Общепризнанным является факт падения речевой культуры в метрополии после революции, одной из причин которого является отсутствие «общественно признанного, общезначимого авторитета в области культуры произношения» [Панов 2002]. Общепризнанный и общезначимый авторитет в области культуры произношения не исчез в восточном зарубежье, был массово распространенным, в частности, в Харбине, до самого исхода русских из Китая, а затем сохранялся в речи последних представителей русской диаспоры в Харбине и до сих пор сохраняется в русской речи бывших русских харбинцев, реэмигрировавших в другие страны. Образцом произношения и эталоном для подражания в Харбине выступала речь образованных людей, приехавших на строительство КВЖД в Китай. Среди харбинцев первой волны было немало петербуржцев: это были инженеры-путейцы, врачи, педагоги, получившие прекрасное образование в России и создавшие в Харбине ту культурную среду, которая и выступала эталоном во многих отношениях, в том числе и эталоном грамотной хорошей речи для остального довольно пестрого русского населения Харбина. Во вторую, послереволюционную волну, русское население Харбина также пополнилось немалым количеством образованных людей из России, составлявших элиту больших провинциальных городов Сибири и Дальнего Востока. На протяжении всего существования русского Харбина этот эталон поддерживался в русских лицеях и гимназиях, а затем в русских высших учебных заведениях Харбина. Таким образом, можно считать, что петербургская произносительная норма в Харбине появилась вместе с ее исконными носителями – петербуржцами, и затем как образцовая получила там дальнейшее распространение, сознательно прививаясь. Однако сознательное привитие нормы хотя и может быть весьма действенным актом (особенно если оно происходит в условиях отрыва от метрополии при понимании носителями языка необходимости этнического самосохранения), все же требует поддержки факторами объективного свойства.

Фактор, который способствовал утверждению и доминированию петербургского варианта произносительной нормы в Харбине, в свое время, как нам представляется, сыграл существенную роль и в формировании самого петербургского варианта нормы. Петербургское произношение обычно определяют как буквенное, педантично-книжное: «оно

возникло в городе, который заселялся поспешно и в языковом отношении беспорядочно. Образовался диалектно-пёстрый конгломерат; произносительного единства в нем можно было добиться только при ориентации на письмо. Другого объединителя не было», –писал М.В. Панов, формулируя одно из «обвинений» петербургскому произношению [Панов 2002], которое тут же переформулирует «в мелиоративном тоне»: книжное произношение Петербурга уменьшает пропасть между русским письмом и произношением.

Русское население Харбина также являлось неоднородным и включало людей разных социальных групп, представлявших разные регионы страны. Произносительный вариант, близкий к буквенному, был поддержан в харбинском обществе, поскольку лишь такой вариант мог объединить всех русскоязычных, приехавших в Харбин и имевших в своей речи региональные и социальные особенности.

В направлении сближения произношения с написанием постепенно двигалась орфоэпическая норма и в метрополии, что выразилось в постепенном вытеснении петербургскими произносительными вариантами многих московских произносительных вариантов.

Учитывая все вышесказанное, мы пришли к выводу о том, что произносительная норма в Харбине имела особенности, и это проявлялось в своеобразном распределении возможных произносительных вариантов. Доминировали варианты, совпадающие с петербургскими и теми, которые впоследствие стали характеризовать единую произносительную норму русского языка – современную норму. Общей характеристикой этих вариантов является их б**о**льшая близость к прямому звуковому значению буквы.

В **заключении** обобщены результаты проведенного исследования, обозначены дальнейшие перспективы.

Русский язык в восточном зарубежье продемонстрировал высокую степень своей сохранности на протяжении столетнего своего существования. Охранительными факторами являлись:

1. Формирование в восточном зарубежье языковой среды, близкой к естественной, вследствие того, что восточную эмиграцию составляли люди разных социальных слоев и сословий, репрезентирующих в своей речи разные варианты национального языка.

3. Широта сфер применения русского языка в восточном зарубежье, статус официального языка и обслуживание им таких важных общественных институтов, как религия, образование, печать.

2. Значительная коммуникативная мощность русского языка среди других языков многонацинального харбинского сообщества и его высокий престиж у местного китайско-

го населения, стремившегося говорить по-русски и получать образование на русском языке.

4. Наличие речевого эталона в восточном зарубежье и общественная языковая политика, направленная на его сохранение в течение длительного отрезка времени: до массового исхода русских из Харбина в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в.

5. Высокий статус русского языка в восточном зарубежье как языка русской национальной культуры, как средства их этнического объединения русских, когда родиной, по образному выражению бывших харбинцев, становился язык.

Русский язык в восточном зарубежье демонстрирует большую степень сохранности по сравнению с западным зарубежьем. Об этом свидетельствуют случаи естественного угасания языка вне метрополии, проявляющиеся в нарушении его норм на аналогичных участках системы позже на одно-два поколения в восточном варианте. Главная причина этого в том, что эти поколения оказались не потерянными для родного языка, потому что находились в среде своего языка, волей исторического случая созданной на территории чужого государства.

Русский язык на протяжении всего своего существования в Харбине развивался так, как если бы он развивался в России, не случись там революционного перелома. С одной стороны, он остался в стороне от «языка революции», от последствий революционной демократизации языка, как это случилось в метрополии, законсервировавшись в дореволюционном своем виде, с другой стороны, он эволюционировал, удовлетворяя постоянно возникающие потребности в новых номинациях.

Это естественное движение языка в восточном зарубежье имело социально обусловленный характер (если дело касалось словаря, его обновления) и было разнонаправленным с аналогичным процессом в языке метрополии (словарь в зарубежье и метрополии, как правило, пополнялся разными единицами в зависимости от социальной потребности в номинации). Вместе с тем происходило и однонаправленное с языком метрополии эволюционное движение языка, не обусловленное социально и касающееся более глубоких уровней языковой системы: например, развитие аналитизма в грамматике.

Все указанные выше факты позволяют характеризовать русский язык в восточном зарубежье как исторически возникшее явление со своей собственной языковой спецификой, обусловленной действием различных лингвистических и социальных факторов, сочетание которых определило своеобразие и уникальность данного явления.

Описанный вариант русского языка, более века существовавший вне метрополии, имевший свой состав носителей и обусловленную территориальной оторванностью языковую специфику на всех уровнях языковой системы, позволяет определять его статус как особую форму существования русского языка в XX в.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Монографии

1.Оглезнева, Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания / Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2007. – 264 с. (Глава «Русско-китайский пиджин в Харбине – центре русской восточной эмиграции в начале и середине XX в.», с. 90 – 118).

2. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). – Благовещенск: АмГУ, 2009. – 352 с.

Публикации в ведущих научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

3. Оглезнева, Е.А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь / Е.А. Оглезнева // Известия Рос. акад. наук. – Сер. литер. и яз. – Т.63. – 2004. – №2. – С.42 – 52.
4. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: особенности функционирования и языковая специфика / Е.А. Оглезнева // Известия Рос. акад. наук. Сер. литер. и яз. – Т. 66. – 2007. – № 4. – С.35 –52.
5. Оглезнева, Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: орфографический аспект / Е.А. Оглезнева // Вестник Томского университета. – 2007. – № 299. – С. 16 – 23 .
6. Оглезнева, Е.А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей восточной ветви русского зарубежья) / Е.А. Оглезнева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 279 – 286.
7. Оглезнева, Е.А. Русская периодика восточного зарубежья в первой половине и середине XX в.: о динамике общественно-политического дискурса / Е.А. Оглезнева // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 314. – С. 26 – 33.
8. Оглезнева, Е.А. Русский язык восточного зарубежья в первой половине XX в.: к вопросу о своеобразии / Е.А. Оглезнева // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 6. – С. 135 – 150.
9. Оглезнева, Е.А. Дальневосточный регионалект русского языка: особенности формирования / Е.А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2009. – Вып.16. – С.119 – 136.

Публикации в других изданиях

10. Оглезнева, Е.А. Русская диаспора в Харбине: уровни лингвистической адаптации / Е.А. Оглезнева // Восточная Азия – Санкт-Петербург – Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. Санкт-Петербургский университет Восточный и специальный восточный факультеты. – СПб: Фонд восточных культур, 2000. – С.250 – 254.

11. Оглезнева, Е.А. Русская диаспора в Харбине: опыт социолингвистического анализа / Е.А. Оглезнева // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Вып.4. Этнические контакты. – Благовещенск: АмГУ, 2001. – С.258 – 263.
12. Оглезнева, Е.А. Жанр воспоминания в речи представителей харбинской диапоры: мотивы и настроения / Е.А. Оглезнева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах.2. – Благовещенск: АмГУ, 2001. – С.196-201.

13.Оглезнева, Е.А. Язык русского зарубежья в Китае: к проблеме взаимодействия языков и культур / Е.А. Оглезнева // Международная научная конференция «Язык и культура», Москва, 14-17 сентября 2001г. – Тезисы докладов. – М.,2001. – С.109 – 110.
14. Оглезнева, Е.А. Языки в условиях многонационального Харбина: к проблеме языкового взаимодействия / Е.А. Оглезнева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. – Благовещенск: АмГУ, 2002. – С.445 – 451.
15.Оглезнева, Е.А. Явление фонетической интерференции в условиях русско-китайского двуязычия (на материале речи потомков русской диаспоры в Китае) / Е.А. Оглезнева // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. – Тезисы IV Международной научной конференции, Звенигород, 11-13 апреля 2003г. – М., 2003. – С.85 – 86.
16.Оглезнева, Е.А. Русский язык в зарубежье: анализ языковой ситуации в русском Харбине / Е.А. Оглезнева // II Международная научная конференция «Язык и культура», Москва, сентябрь 2003г. – Тезисы докладов. – М.,2003. – С.79 – 80.
17.Оглезнева, Е.А. Языковая ситуация в русском Харбине: динамический аспект / Е.А. Оглезнева // Актуальные проблемы русистики. Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного университета (Томск, 21-23 октября 2003 г.) / Отв. ред. Т.А.Демешкина. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2003. – Вып.2. – Ч.1. – С.228 – 236.

18.Оглезнева, Е.А. Явление интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине) / Е.А. Оглезнева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. – Благовещенск: АмГУ, 2003. – С.252 – 256.
19.Оглезнева, Е.А. О русском языке восточного зарубежья / Е.А. Оглезнева // Язык и литература русского восточного зарубежья. Материалы областного научно-методического семинара «Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы». – Благовещенск: АмГУ, 2003. – С.6 – 32.
20. Оглезнева, Е.А. Тематическое своеобразие жанра воспоминания в речи представителей русской диаспоры в Харбине / И.С. Оглых, Е.А. Оглезнева // Язык и литература русского восточного зарубежья. Материалы областного научно-методического семинара «Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы». – Благовещенск: АмГУ, 2003. – С.78 – 84.
21. Оглезнева, Е.А. Книга Т.И.Золотаревой «Маньчжурские были» как исторический и лингвистический источник / И.К.Степанова, Е.А. Оглезнева // Язык и литература русского восточного зарубежья. Материалы областного научно-методического семинара «Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы». – Благовещенск: АмГУ, 2003. – С.84 – 90.
22.Оглезнева, Е.А. Явление фонетической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей русской диаспоры в Харбине) / Е.А. Оглезнева // Бюллетень Фонетического Фонда русского языка. Исследования по языковой интерференции (Европейская Россия, Сибирь, Дальний Восток). – Октябрь, 2004. – №9. – Бохум (Германия), 2004. – С.105 –120.

23. Оглезнева, Е.А. Речевой портрет эмигранта (на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В.П.Хан) / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – Вып.3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – С. 101 – 108.

24. Оглезнева, Е.А. Семиотика названий русской зарубежной периодики (на материале периодических изданий первой волны русской эмиграции) / Е.А. Оглезнева // Вестник Амурского государственного университета. – Вып.32. – Благовещенск: АмГУ, 2006. – С. 68 – 71.

25. Оглезнева, Е.А. Речевой портрет последней русской харбинки Е.А.Никифоровой / Е.А. Оглезнева, Т.А. Волгузова // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А.Оглезневой. – Вып. 1. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – С.157 – 169.
26. Оглезнева, Е.А. Речь русских эмигрантов из Харбина в Австралию: нормативный аспект / Е.А. Оглезнева, Н.В. Радкевич // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А.Оглезневой. – Вып. 1. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – С.182 – 193.
27. Оглезнева, Е.А. Благовещенск в письмах из эмиграции (на материале эпистолярного наследия Т.И.Золотаревой) / Е.А. Оглезнева, А.С. Блохинская // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А.Оглезневой. – Вып. 1. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – С.209 – 217.
28. Оглезнева, Е.А. Русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке: опыт описания / Е.А. Оглезнева, Е. Басистая // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Е.А.Оглезневой. – Вып. 1. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – С.218 – 224.
29. Оглезнева, Е.А. Дальневосточный регионолект русского языка в начале XX в.(по материалам книги А.А.Кауфмана «По новым местам», СПб, 1905) / Е.А. Оглезнева // Функциональный анализ значимых единиц языка. – Межвузовский сборник научных статей. – Вып. 2. – Новокузнецк, 2007. – С. 42 – 50.
30. Оглезнева, Е.А. Территориально-хронологические варианты русско-китайского пиджина / Е.А. Оглезнева // Вестник АмГУ. – Вып. 40. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – С.72 – 76.
31. Оглезнева, Е.А. Функционирование и языковые особенности русско-китайского пиджина на Дальнем Востоке в начале XX века (по материалам книги А.А.Кауфмана «По новым местам», СПб, 1905) / Е.А. Оглезнева // Филология. Сборник, посвященный 10-летию филологического факультета. – Благовещенск: АмГУ, 2007. – С. 187 –198.
32. Оглезнева, Е.А. Реформа русской орфографии и восточное зарубежье / Е.А. Оглезнева // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2007. – С. 56 – 62.
33. Оглезнева, Е.А. Языки и языковая политика в многонациональном Харбине первой половины XX в. / Е.А. Оглезнева // Россия – Азия: механизмы сохранения и модернизации этничности. – Материалы международной научно-практической конференции (18-21 июня 2008 г.). – Вып. 3. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госунивеситета, 2008. – С.188 –189 (Тезисы).
34. Оглезнева, Е.А. Заметки о судьбе старой орфографии в русском зарубежье / Е.А. Оглезнева // Памяти Учителя: сборник статей по филологии к 75-летию Л.В.Лебедевой. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – С.119 – 129.
35. Оглезнева, Е.А. Русский язык в восточном зарубежье: о причинах высокого уровня сохранности / Е. А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – С. 6 – 21.
36. Оглезнева, Е.А. Речевой портрет Михаила Михайловича Мятова, представителя русской диаспоры в Харбине / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – С. 54 – 74.
37. Оглезнева, Е.А. Владимир Алексеевич Зинченко. Лингвистические беседы / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – С. 88 – 99.
38. Оглезнева, Е.А. О проекте словаря харбинской лексики / Е.А. Оглезнева // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 6,

специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – С.113 – 117.

39. Оглезнева, Е.А. Словарь харбинской лексики (фрагменты) / Е.А. Оглезнева, Г.М. Старыгина // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – С. 117 – 124.

40. Оглезнева, Е.А. Язык русского восточного зарубежья в связи с волнообразным характером эмиграции на восток (к вопросу о социальной обусловленности языковых явлений / Е.А. Оглезнева // Вестник АмГУ. – 2009. – Вып. 44. – С. 106-109.